

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

Екатерина ГЛАГОЛЕВА

ПРИШЕДШИЕ С МЕЧОМ

Всемирная история в романах

Екатерина Глаголева

Пришедшие с мечом

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(4)

Глаголева Е. В.

Пришедшие с мечом / Е. В. Глаголева — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-3924-7

«У вас только одна армия против другой армии и целого народа» – такими словами швейцарец Жомини пытался предостеречь Наполеона от похода в Россию. Пророчество сбылось: на Великую армию ополчились не только русские войска, партизаны, крестьяне и поджигатели, но и «генерал Мороз», голод и болезни. Фельдмаршал Кутузов делает ставку именно на последнее обстоятельство, хотя офицеры и солдаты рвутся в бой, а мирные жители, которых грабят и свои, и чужие, невероятно страдают от затянувшейся войны. Не проиграв ни одного сражения, Наполеон потерял две трети своих войск, однако это его не обескуражило: он уже готовится к новой кампании, чтобы добиться успеха. Вот только все ли пойдут за ним снова? А император Александр, которого Наполеон невольно сделал своим учеником, прекрасно усвоил его уроки. Книга является продолжением романа «Нашествие 1812», ранее опубликованного в этой же серии.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(4)

ISBN 978-5-4484-3924-7

© Глаголева Е. В., 2023

© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Об авторе	6
1	7
2	18
3	23
4	29
5	37
6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Екатерина Глаголева

Пришедшие с мечом

© Глаголева, Е., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

* * *

Екатерина Глаголева

Об авторе

Дипломированный переводчик Екатерина Владимировна Глаголева (р. в 1971 г.) начала свой литературный путь в 1993 году с перевода французских романов Александра Дюма, Эрве Базена, Франсуа Нурирье, Фелисьена Марсо, Кристины де Ривуар, а также других авторов, претендующих на звание современных классиков. На сегодняшний день на ее счету более 50 переводных книг (в том числе под фамилией Колодочкина) – художественных произведений, исторических исследований. Переводческую деятельность она сочетала с преподаванием в вузе и работой над кандидатской диссертацией, которую защитила в 1997 году. Перейдя в 2000 году на работу в агентство ИТАР-ТАСС, дважды выезжала в длительные командировки во Францию, используя их, чтобы собрать материал для своих будущих произведений. В тот же период публиковалась в журналах «Эхо планеты», «History Illustrated», «Дилетант», «Весь мир» и других. В 2007 году в издательстве «Вече» вышел первый исторический роман автора – «Дьявол против кардинала» об эпохе Людовика XIII и кардинала Ришелье. За ним последовали публикации в издательстве «Молодая гвардия»: пять книг в серии «Повседневная жизнь» и семь биографий в серии «ЖЗЛ». Книга «Андрей Каприн» в серии «ЖЗЛ: биография продолжается» (изданная под фамилией Колодочкина) получила в 2020 году диплом премии «Александр Невский».

Краткая библиография:

Дьявол против кардинала (роман). Серия «Исторические приключения». М.: Вече, 2007, переиздан в 2020 г.

Повседневная жизнь во Франции во времена Ришелье и Людовика XIII. М.: Молодая гвардия, 2007.

Повседневная жизнь королевских мушкетеров. М.: Молодая гвардия, 2008.

Повседневная жизнь пиратов и корсаров Атлантики от Фрэнсиса Дрейка до Генри Моргана. М.: Молодая гвардия, 2010.

Повседневная жизнь масонов в эпоху Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2012.

Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2014.

Вашингтон. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2013.

Людовик XIII. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2015.

Дюк де Ришелье. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2016.

Луи Рено. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2016.

Ротшильды. ЖЗЛ и вне серии: Ротшильды: формула успеха. М.: Молодая гвардия, 2017 и 2018.

Рокфеллеры. ЖЗЛ и NEXT. М.: Молодая гвардия, 2019.

Путь Долгоруковых (роман). Серия «Россия державная». М.: Вече, 2019.

Аль Капоне. Порядок вне закона. ЖЗЛ и NEXT. М.: Молодая гвардия, 2020.

Польский бунт (роман). Серия «Всемирная история в романах». М.: Вече, 2021.

Лишённые родины (роман). Серия «Всемирная история в романах». М.: Вече, 2021.

Любовь Лафайета (роман). Серия «Всемирная история в романах». М.: Вече, 2021.

1

«Москва, 20 сентября¹ 1812 г.

Дорогая, я получил твое письмо от 3 сентября. Сегодня часто идет дождь, говорят, что начинается сезон дождей. По счастью, мы прибыли на место. Армия очень хорошо размещена на постой и по казармам. Я здоров. Прошу тебя, будь весела и не болей. У меня всё хорошо. Прощай, мой друг. Безраздельно твой,

Нап.»

Коленкур уже наладил почту между Парижем и Москвой. Луиза получит это письмо через четырнадцать дней, тот же курьер доставит бюллетень для публикации в газетах.

Две недели... За это время может произойти всё, что угодно. Луиза пишет ему в основном о погоде, о здоровье маленького короля, о его шалостях, о мелких придворных событиях – всё это происходит словно в другом мире, где время, густое и одновременно ничем не насыщенное, течет в десять раз медленнее. Взяв в руку подсвечник, Наполеон подошел почти вплотную к овальному портрету в золоченой раме, висевшему на стене. Его сын... Он, должно быть, сильно вытянулся: маленькие дети растут как на дрожжах. Узнает ли он отца при встрече или испугается «чужого дяди»? Хотя вряд ли испугается: Наполеон любит детей, и дети любят его. Римский король еще слишком мал, у них будет время, чтобы подружиться. Скорей бы покончить с этой кампанией и вернуться в Париж...

Дождь стучит в окно, на которое слуга каждый вечер выставляет две зажженные свечи, – пусть часовые видят, что император тоже на своем посту. Спать это не мешает. Заняв кремлевские апартаменты императора Александра, Наполеон объединил спальню с рабочим кабинетом; если не спится, можно что-нибудь почитать. Вот только дурак библиотекарь опять прислал из Парижа не то, о чём его просили: с него требовали не новые издания, а новых романов, преимущественно развлекательных. Не всё же читать «Историю Карла XII»... Здесь совершенно нечем заняться, нет даже бильярдного стола. Чего доброго, придется коротать вечера, играя с Эженом в «двадцать одно».

Пожары уже почти потушили; во всяком случае, Наполеон смог вернуться в Кремль из Петровского дворца. Какое варварство – уничтожать собственную страну! Как будто для этого мало завоевателей! Конечно, император Александр не мог отдать такой приказ – это всё Ростопчин, возомнивший себя римлянином. Если бы подобное совершил француз, Наполеон приказал бы его расстрелять.

Разрушением прославиться легче, чем созиданием. Наполеон знает, что его называют новым Аттилой, как будто он только и делал, что истреблял народы и разрушал возведенное другими. А ведь он создал Империю! Даровал ей Кодекс законов – стройную и четкую систему! А как похорошел при нем Париж! Язвы, оставленные Революцией, уже почти затянулись...

Да, свою империю он обрел мечом, но великие завоеватели дольше памятливы людям! Александр Македонский славнее Солона, да и Диогена помнят лишь за его дерзкий ответ этому царю. Люди понимают и ценят только силу. Им тысячи лет твердили: не убий, не укради, не прелюбодействуй, возлюби ближнего своего, грозя всевозможными карами, небесными и земными, – и что же? Стоит кому-нибудь им сказать, что они имеют *право* забрать чужое, включая жизнь, на основании какой-либо *идеи*, как они поверят в это сразу и безоговорочно, не то что в поповские сказки.

¹ Разница между датами по григорианскому календарю, который использовали в Европе и Америке, и датами по юлианскому календарю, принятому тогда в России, составляла в XIX веке 12 дней, т. е. 20 сентября соответствует 8 сентября. Французские документы датированы по григорианскому календарю, русские – по юлианскому.

Что нужно людям? Есть, пить, совокупляться, иметь крышу над головой и одежду для защиты от холода и зноя. Отнимите у них хоть что-нибудь из этого или сократите всё вместе до жалких крох, и им не станет никакого дела до морали, философии, искусства. А еще люди всегда стремились получить необходимое за счет других, на этом строятся все политические системы.

В России кучка господ владеет миллионами рабов, и эта кучка еще смеет называть Наполеона поработителем Европы! Его, который повсюду отменяет феодальные законы и дарует людям личную свободу!

Конечно, он уже не тот юнец, который, нацепив на шляпу трехцветную кокарду, клялся отдать свою жизнь за Республику, свободу, равенство и братство. Резня в Тюильри, когда убивали безоружных и приканчивали раненых, его отрезвила. Свобода невозможна. «Свобода состоит не столько в том, чтобы поступать по своей воле, сколько в том, чтобы не подчиняться воле чужой, а также не подчинять чужую волю нашей» – так утверждал Руссо. Люди, облеченные властью и не нуждающиеся материально, всё равно несвободны, потому что власть подразумевает ответственность и обязательства. А уж вчерашние рабы и вовсе путают свободу с безнаказанностью, покуда новый хозяин кнутом не призовет их к порядку. Братство? У Наполеона четыре брата, и он не может положиться ни на одного из них, хотя они извлекают из родства всевозможные выгоды. Равенство? Не смешите меня.

Интересно, получил ли император Александр письма, которые Наполеон передал через Яковлева и Тутолмина? На предыдущие ответа так и не было.

С генералом Тутолминым должно выйти надежнее, потому что старику полагалось обратиться ко вдовствующей императрице Марии Федоровне, попечительнице Воспитательных домов. Генерал-губернатор Ростопчин тянул до последнего момента с эвакуацией сирот, вверенных заботам Тутолмина. Когда русские покинули Москву, Воспитательный дом оказался в кольце огня; французы помогали не сбежавшим служителям тушить пожар; после главный надзиратель пробился к маршалу Мортье, назначенному новым генерал-губернатором, и попросил приставить к дому караул. Там находились тогда три сотни грудных детей, двести здоровых подростков и сотня больных (всех взрослых девиц предусмотрительно успели вывезти). Наполеон поставил свое условие: переделать сиротский приют под госпиталь для французов, разрешив, впрочем, принимать туда и русских. Русская армия ушла, бросив тысячи своих раненых прямо на улицах; в одних только Спасских казармах погибли пять тысяч человек, сгорев заживо или выбросившись из окон на мостовую; в Кудринском Вдовьем доме, превращенном в лазарет, сгорело человек семьсот, а еще столько же, сумев выбраться в сад или на улицу, после погибли от голода или от рук грабителей... Говорят, что матушка Александра собралась бежать в Англию – пусть лучше останется и уговорит сына заключить мир. В свое время он уверял, что ее мнение для него крайне важно, он не мог без ее согласия отдать Наполеону руку своей сестры! Вот и проверим, насколько он прислушивается к ней теперь.

Александр ведет себя совершенно непостижимо. Неужели он не понимает, что любая война всё равно закончится миром? Зачем же оттягивать этот момент, разоряя собственную страну? Наполеон уже много раз давал ему понять, что война с Россией для него – не цель, а средство. Он ничего не имеет против русских и по-прежнему любит царя, но Россия мешает ему разгромить Англию. Александр окружил себя дурными советчиками из числа природных англичан и отечественных англофилов, которые твердят ему про выгоды от развития торговли. Но как можно быть таким близоруким?! Наполеон предлагает ему гораздо большее – власть над половиной мира! Они поделят мир пополам: Наполеону – Запад, Александру – Восток, но для этого они должны вместе отправиться в Индию, пока Англия опять воюет с США, своими бывшими колониями, и покончить с ее империей раз и навсегда, вновь обратив ее в маленький остров.

Кого больше всех почитают русские? Грозного царя Ивана, замучившего до смерти половину Новгорода, – потому что он завоевал Казань и двинулся в Сибирь; сыноубийцу Петра, построившего новую столицу на костях, – потому что он создал боеспособную армию и разгромил шведов; немку Екатерину, эту новую Мессалину, лишившую крепостных крестьян права жаловаться на своих извергов-помещиков, – потому что она отняла у турков Крым и уничтожила Польшу. Если Александр хочет войти в их число, а не кончить подобно своему отцу и деду, ему необходимы великие завоевания. Оправдать надежды своей бабки, давшей ему имя великого македонца, а его брату – имя византийского императора, и снова сделать Константинополь христианской столицей с русским царем на престоле? Победно завершить долгую и несчастную войну с Персией? Он сумеет и то, и другое, но только если заключит сейчас мир с Наполеоном на его условиях.

* * *

Первую остановку генерал Комаровский сделал в Новгороде. Выехавший вперед него адъютант уже приготовил квартиру на постоялом дворе; четыре полковника, составлявшие его свиту, тоже кое-как разместились. Все вместе отправились обедать в трактир. Едва Евграф Федотович переступил через порог, как сидевший за столом генерал вскочил и бросился к нему: что Москва? Известно вам что-нибудь наверное?

Калмыцкое лицо князя Сергея Долгорукова выражало тревогу и смятение; Комаровский знал, что в Москве, на Большой Никитской, жила его жена с двумя малыми детьми, но не имел никаких известий насчет того, успела ли она выехать, а потому почел за лучшее вовсе не говорить ему о том, что Москва взята французами. Он стал рассказывать, что послан государем в южные губернии за лошадьми для армии и сам хорошенько не знает, как ему ехать... Забрякал колокольчик и смолк: кто-то въехал на почтовый двор. Долгоруков опрометью бросился туда и скоро вернулся, ведя за собой унтер-офицера. Это оказался курьер, ехавший к государю с пакетом от генерал-лейтенанта Винцингероде, который стоит со своим отрядом в Клину, чтобы не пустить французов в Петербург. На расспросы он отвечал, что французы были в Москве два дня, потом вышли.

Вышли... Это не значит покинули; армия Наполеона в самом деле велика, часть войск могла стать на биваках в окрестностях Первопрестольной. Французы в Москве! Князь сел на лавку в самом дальнем углу, повернувшись ко всем спиной, его плечи вздрагивали. Офицеры пообедали без обычных разговоров, наскоро, стараясь не смотреть в его сторону.

В Вышнем Волочке уже знали, что в Москве неприятель, и пребывали в великом смятении. Тяжелее всех приходилось генерал-провиантмейстеру Лабе, заготовившему провианту на несколько миллионов рублей и теперь не знавшему, что с ним делать, хотя он посылал курьеров и в Петербург, и к главнокомандующему Кутузову. Вывезти всё это быстро невозможно; по инструкции, он должен истребить все запасы в случае приближения неприятеля, но насколько велика сия опасность? Комаровский ничем не мог ему помочь и поехал дальше.

Тверской губернатор Кологривов явился к нему сам и сообщил, что Москва горит уже четвертый день, свое семейство он отправил в Ярославль, где сейчас находятся принц Георг Ольденбургский и великая княгиня Екатерина Павловна, а все необходимые сведения по поводу местоположения неприятельских войск можно получить у барона Винцингероде. В Клину дежурный штабной офицер князь Волконский направил Комаровского на новую главную квартиру – в деревню Давыдовку. Два генерала крепко обнялись и постояли так некоторое время, не пряча слез своих по Москве. Затем Винцингероде развернул карту, они наметили маршрут до Тулы: через Дмитров, Егорьевск, Покров, Коломну и Венёв.

Закат утас, однако на горизонте пылало большое зарево.

– Горит, матушка, – вздохнул ямщик.

По дороге тянулись друг за другом телеги, нагруженные разными пожитками; на выезде из города они сворачивали на проселки.

– Куда же вы едете? – спросил Комаровский молодого мужика, шедшего рядом с лошадью; его жена с грудным младенцем сидела на возу.

– А куда глаза глядят, барин, – отвечал он, не повернув головы. – Теперь покуда в леса, а там – куда Бог приведет.

В Покрове квартировал князь Борис Андреевич Голицын, начальник Владимирского ополчения – единственной силы, стоявшей на пути у неприятеля в столицу древнего княжества. Карие глаза князя глядели печально, чуть оттопыренная нижняя губа придавала его вытянутому лицу скорбное выражение. Он рассказал Комаровскому о последних минутах своего друга князя Багратиона, скончавшегося у него на руках. Последние слова князя Петра были: «Господи, спаси Россию!» Евграф Федотович, слышавший о ранении Багратиона во время сражения при Бородине, не знал, что он скончался, это известие тронуло его до глубины души. Москва взята, Багратиона больше нет! Да и Богородск уже в руках французов, добавил Голицын. Кутузов приказал ему отступать без боя в случае движения основных сил неприятеля к Владимиру, однако князь молил Бога, чтобы ему не пришлось выполнять этот приказ. Пока его ратники лишь конвоировали пленных, которых приводили гусарские и казацкие отряды, нападавшие на французских фуражиров, но кто знает, что будет завтра...

Во всех ямах на Московской дороге ямщики с негодованием спрашивали столичного генерала, отчего это государь собирает в ополчение помещичьих крестьян, а с них никого не берёт? Они бы дали из двух сыновей одного и не пожалели бы для них лучших лошадей! Прибыв в Тулу и посмотрев на конных ратников, которых с гордостью показал ему губернатор Богданов, Комаровский написал донесение государю о желании ямщиков служить против общего врага.

* * *

Худые щеки Христиана Ивановича Лодера обросли колкой седой щетиной, но бриться было недосуг: раненные всё прибывали и прибывали, их нужно было распределять – на срочную операцию, на перевязку, на дальнейшую транспортировку. Их были тысячи: с раздробленными костями, со страшными ранами в грудь и брюхо; многих доставили в Касимов из самого Смоленска, через Вязьму и Москву, не сделав за две недели не единой перевязки! В ранах копошились черви, их края почернели и источали зловоние; кроме того, почти все пациенты были крайне истощены, страдали от изнурительной лихорадки и нервных припадков: их везли осенью на телегах, зачастую на голых досках, без пучка соломы, едва прикрытых лохмотьями, почти нагих! Бедняг ограбили еще на поле сражения, когда они лежали там замертво, совершенно беспомощные. Лейб-медик уже знал: увидишь кого в драном армяке на голое тело, в дырявых чулках и без сапог – скорее всего, офицер.

Привычно сложив тонкие губы в легкую улыбку ради приветливого выражения лица, врач бегло осматривал раны, механически ставил диагноз, отдавал краткие распоряжения по-немецки, которые все госпитальные служители уже научились понимать.

Конечно, он занимался раньше хирургией и судебной медициной, сам преподавал эти дисциплины, но никогда не думал, что станет военным медиком: его больше привлекало акушерство, повивальное искусство – область, совершенно противоположная этой. За двадцать четыре года в Йене доктор Лодер подготовил множество врачей, построил новый анатомический театр, учредил родильный госпиталь, издал подробнейшие анатомические таблицы. Потом ему предложили должность профессора в университете Галле, он принял прусское подданство. Но шесть лет назад Галле был занят французами. Брат Наполеона, Жером Бонапарт, ставший королем Вестфалии, предложил служить ему; Лодер отказался и уехал в Кёнигсберг.

Когда прусский король заключил союз с Наполеоном, доктор перешел в русское подданство и стал лейб-медиком императора Александра. Года полтора Христиан Иванович спокойно жил в Москве, занимаясь частной практикой, пока не началась война... Теперь он мотается между Касимовым, Меленками и Елатьмой.

– Nein! – резко крикнул он санитару, собиравшемуся напоить раненого с кровавой тряпкой на голове. – Operieren².

* * *

«Найдя столь долгое время изыскиваемое, но поныне еще не обнаруженное средство произвольно управлять летучею машиною, действие которой я в шести верстах от Москвы в присутствии многих зрителей показывал, от коих свидетельство отобрать можно, я ныне всеподданнейше умоляю Ваше Императорское Величество не пропускать ни малейшего времени, дабы сие важное дело сколь возможно поспешнее произведено могло быть в действие. Совершенно будучи уверен, что я впоследствии заслужу благоволение Вашего Императорского Величества по причине двукратно уже испытанного мною успеха в употреблении моей машины, всеподданнейше прошу мне позволить: оконченную уже мною в Москве малую машину, если не явится никаких чрезвычайных препятствий, здесь собрать, а не достающие к ней части вновь изготовить, потому что рама и нижняя часть, по причине весьма поспешной укладки, на что я только три часа имел времени, не могли быть увезены, но были истреблены при приближении неприятеля».

Перечитав еще раз перевод собственноручного донесения Франца Леппиха, сделанный с немецкого языка, граф Аракчеев вновь испытал неприятное чувство непонимания. Леппих – шарлатан, в этом уже не осталось никаких сомнений, к тому же еще и лгун: он наглым образом утверждает о двукратном успехе в «употреблении» своей машины, ссылаясь даже на неких свидетелей, тогда как из донесений графа Ростопчина ясно следовало, что его управляемый аэростат не то что не был испытан, но даже не смог подняться в воздух. Допустим, в Москве его могли использовать просто для отвлечения внимания обывателей, чтобы унять их тревогу при приближении французов, хотя игрушка оказалась слишком дорогой. Но почему же государь распорядился удовлетворить прошение «изобретателя»? «Отвести ему строение длиной 50 футов, шириной 22 фута и восемь других покоев, отапливаемые ежедневно. Позволить выбрать из адмиралтейского лесного магазина строевой лес для рамы и короба, набрать немецких столяров и слесарей из числа казенных работников. Отправить в Нижний Новгород курьера за баллоном, сеткой и другими вещами и мастеровыми. Выделить средства». Средства! Казна не бездонна, убытки неисчислимы, армия сейчас не имеет самого нужного, а государь хочет снова тратить тысячи на... фук? Но с другой стороны, Алексей Андреевич уже дважды выражал государю свои... сомнения по поводу леппиховой машины и слышал в ответ, что он глуп. Возможно, государь имеет свои виды, не доступные пониманию простых смертных. Кто такой Аракчеев, чтобы противиться его воле? Он всего лишь слуга государев и должен повиноваться ему беспрекословно.

Государь сейчас нездоров, раздражителен, замкнулся ото всех на Каменном острове. Не следует перечить ему и причинять еще большие неудобства.

Лакей доложил, что прибыл господин Шишков и просит принять его. Алексей Андреевич велел проводить государственного секретаря в его кабинет.

Шишков вошел мелкими шажками, распространяя вокруг себя сладковатый и малоприятный старческий запах, поклонился, попросил прощения за то, что беспокоил его сиятельство: государь позволил ему переговорить с господином Яковлевым, недавно привезенным из

² Нет! Оперировать (нем.).

Москвы, поскольку он – первый очевидец, прибывший в столицу. Аракчеев кивнул и лично проводил гостя в комнату, где помещался арестованный.

Ивана Алексеевича Яковлева привезли на Литейный под конвоем, с донесением от арестовавшего его генерала Винцингероде. Задержавшись в Москве из-за болезни родственника, Яковлев не успел выехать до вступления в нее французов, лишился крова из-за пожара, был вынужден ночевать со всеми домочадцами на площади, обратился к маршалу Мортье за пропуском, чтобы проследовать в свое имение, но такие пропуска выдавал только сам Наполеон. Узнав, что брат Яковлева, Лев, в свое время был русским посланником в Касселе, при дворе Вестфальского короля, Наполеон согласился его принять, говорил ему о своем желании заключить мир и дал письмо к императору Александру для передачи в собственные руки, сделав это условием выезда из Москвы. Письмо Яковлев отдал Аракчееву под расписку, и Алексей Андреевич доставил его государю, чем вызвал только его неудовольствие. Дальнейших распоряжений по поводу Бонапартова порученца не последовало, он так и жил в здании военного департамента. Проводив к нему Шишкова, граф оставил их вдвоем.

У Яковлева было узкое, костистое лицо, вид замкнутый и нелюдимый. Шишкову не удалось разговорить его, на все вопросы Иван Алексеевич отвечал коротко и скупно, и всё же картина складывалась самая ужасная и безотрадная: Москва горит, пьяные неприятельские солдаты носятся по улицам, подобно варварской орде, истребляя припасы, грабя обывателей, рубя саблями безоружных, превращая храмы в конюшни... Вернувшись домой, Александр Семенович принялся составлять «свидетельство очевидца» для опубликования в газетах, но, как обычно, увлекся и отклонился от изображения фактов, пустившись в общие рассуждения:

«Сами французские писатели изображали нрав народа своего слиянием тигра с обезьяною; и когда же не был он таков? Где, в какой земле весь царский дом казнен на плахе? Где, в какой земле столько поругана была Вера и Сам Бог? Где, в какой земле самые гнусные преступления позволялись обычаями и законами? Взглянем на адские, изрыгнутые в книгах их лжеумудрствования, на распутство жизни, на ужасы революции, на кровь, пролитую ими в своей и чужих землях: и слышано ли когда, чтобы столетние старцы и не рожденные еще младенцы осуждались на казнь и мучение? Где человечество? Где признаки добрых нравов? Вот с каким народом имеем мы дело! И посему должны рассуждать, может ли прекращена быть вражда между безбожием и благочестием, между пороком и добродетелью? Долго мы заблуждались, почитая народ сей достойным нашей приязни, содружества и даже подражания. Мы любовались и прижимали к груди нашей змею, которая, терзая собственную утробу свою, проливая к нам яд свой, и, наконец, нас же за нашу к ней привязанность и любовь всезлостным жалом своим уязвляет. Не постыдимся признаться в нашей слабости. Похвальнее и спасительнее упасть, но восстать, нежели видеть свою ошибку и лежать под вредным игом ее. Опаснее для нас дружба и соблазны развратного народа, чем вражда их и оружие».

* * *

Орлов луг у Калужской заставы напоминал собой цыганский табор, только без кибиток и лошадей. Туда подходили всё новые погорельцы, садились своим кружком, сложив внутрь его узлы и сундучки, корзинки с младенцами и прочие пожитки. У кого-то и вовсе не осталось ничего, богатые обратились в нищих. Весь этот табор гудел, точно улей, в шум голосов вплетался лай собак. Время от времени из города возвращалась партия добытчиков, отправлявшихся за провизией – шарить по подвалам на пепелищах, подчищать разбитые лавки и кондитерские. Брать еду не грех: не помирать же с голоду, зато при виде узлов с краденными вещами люди стыдливо отводили глаза: срам-то какой, Бога не боятся, у своих воруют! Но ничего не говорили и не совестили – не ровен час, еще прибьют. Бродить по подвалам отправлялись только удалыцы: там можно было столкнуться с французами, промышлявшими тем же

самым. Люди же робкого десятка ходили на огороды и приносили оттуда горькие огурцы, капусту, картошку и свеклу.

Господам что – фють! Сели да поехали. И то еще, когда выезжать было разрешено только женщинам и детям, некоторые рядились в женское платье, подвязывая щеки – будто бы зубы болят, а на самом деле, чтобы скрыть бакенбарды. А дворян, почитай, вся осталась. Как пришли французы, люди фабриканта Баташёва бежали из усадьбы на Швивой горке за Язу и там стали лагерем: посадили детей и жен в капустные грядки и охраняли их от грабителей. Приказчик их, Соков, храбрый человек оказался, дай Бог ему здоровья. Только засели они в капусте, как слышат – стоны неподалеку. Часть ребят побежали туда – ахти, Господи! Человек лежит весь в крови: ограбили, руки-ноги переломали, чуть до смерти не убили! Так Соков этот взял с собой мужиков покрепче, да с дубьем, и пошел в кусты, куда скрылись злодеи. А там сидят человек двенадцать – все с подвязанными руками и головами, якобы раненные, а это разбойники и есть! Не французы – наши! Баташёвские их отметилили как следует, а потом нашли в воде, среди осоки, множество разного платья и прочих вещей.

На подобные рассказы всегда отвечали своими историями, одна горше другой. Спасаясь от огня, погорельцы сгруппировались на Полянском рынке вокруг фонтана, ища защиты у святителя Григория Неокесарийского, а злодеи тут как тут: узлы разрывали, отыскивая драгоценности, с мужчин снимали сапоги, одежду, вытаскивали из карманов часы и табакерки, с женщин срывали платки, шали, а то и платья, серьги выдергивали прямо из ушей, кольца с пальцами отрубали, – крику-то, шуму, и огонь гудит, и ветер завывает... А баб сколько ссильничали! Девушек, совсем молоденьких! К одной барышне француз приставал, она не давалась, плакала, служанка вызвалась вместо нее, так они ее вдвоем... Мало им шалав мокрохвостых, которые к ним слетались, как мухи на мед! На улицах девочек десятилетних находили... В Алексеевском монастыре над монахиней надругались... А в Зачатьевском – там больше старушки, их не тронули. Игуменья пошла к кавалерийскому полковнику французскому, барону Талуэ, просила его защитить их. Он ей и говорит: я-то сделаю всё, что могу, но знайте, что я нарушу приказ моего начальства – грабить нынче дозволено.

Если французам попадешься, это еще ничего. К одному чиновнику в дом залезли, стали везде шарить, глядь – на них детишки в шелку смотрят, любопытствуют. Так они на другой день туда вернулись и детишкам игрушек принесли – должно, в какой-то лавке взяли. У профессора университетского жена рожала – они мимо прошли на цыпочках и ничего женского не взяли, только вещи мужа с собой унесли. А сколько раз уже бывало: выйдут французы из какого дома, набив мешок всякой всячиной, увидят кого из наших на улице, сейчас захватят и велят нести мешок до своей квартиры, но уж с пустыми руками не отпустят – накормят, напоят, а когда и с собой чего съестного дадут или деньгами наградят. Одного так заставили сундук тащить в даль дальнюю, а как дотащил, говорят: ступай, мол, с богом, а он им: как же я пойду? Ваши же опять меня схватят! Так они ему выписали бумагу на своем языке – иди, говорят, и ничего не опасайся. И точно: пошел он, наехали на него конные, он им бумагу показал, они отпустили его и ничего не взяли. Но это на кого нарвешься. Не приведи Господь, на поляков или на немцев, тут уж спуска не дадут, беспардонное войско – их ни слезами, ни мольбами не проймешь. Люди говорят, их и пуля не берет. Но обидней всего, конечно, когда свои своих же грабят и обижают, точно нехристи какие.

Как Гостиный двор-то загорелся, так туда купцы поехали прямо на бричках и ну набивать их всяким товаром – да только не свой спасали, а чужой прикарманивали. Потом чуть не передрались между собой, как добычу делили. А уж если купцы так поступают, то крестьяне чем лучше? И они Гостиный двор чистили, таскали всё, что под руку попадется. Двое дворовых ходили туда, как на промысел: набрали себе меду, рыбы, церковных книг и прочего, а потом еще наткнулись на трех крестьян с шальями и платками и забрали всё себе. Ни стыда у людей, ни совести...

* * *

На Красной площади, под стенами Кремля, гудел стихийный рынок – солдаты выменивали друг у друга то, что удалось спасти из огня. Семейные охотились за мехами и кашемировыми шальями, обещанными в подарок женам (в Париже их не найти), и готовы были отдать за них золотые вещи или шелка, любители присматривали себе картины и книги, предлагая за них копченую рыбу и макароны. Здесь можно было раздобыть покрытые пылью и паутиной бутылки с вином и коньяком такой выдержки, что во Франции они бы стоили целое состояние, диковинные желто-зеленые шишки ананасов, которых многие солдаты прежде не только не пробовали, но и не видывали, коробки с инжиром, чай, кофе, сахар, шоколад... Вот только белого хлеба, свежего мяса, другой привычной еды с каждым днем становилось всё меньше.

В городских домах вельмож, напоминавших загородные усадьбы, поселились самые нахрапистые. Дезидерий Хлаповский, командир эскадрона из 1-го уланского полка, занял дворец князя Лобанова на Мясницкой, а генерал Красинский – еще более роскошный дом купца Барышникова напротив, с обнесенным решеткой двором. Из домов не успели вывезти мебель, и поляки отдыхали на удобных широких кроватях с сафьяновыми матрасами; выйдя же из дому через заднюю дверь, они словно попадали в деревню: там были сад с оранжереей, огород, сеновалы... В пристройках оказалось около сотни человек – дворовых, крестьян, мастеровых. Они были согласны готовить еду, чинить или шить одежду и обувь, исполнять иные привычные для них обязанности, лишь бы их не трогали.

В доме одного немецкого купца разместились двенадцать итальянских офицеров. По утрам из окон можно было смотреть, как гвардия строится под полковую музыку для парада. Гренадеры быстро навели уют, раздобыв где-то скатерти и всякую домашнюю утварь; из муки, найденной на пепелищах, пекли вкусный домашний хлеб; по совету поляков, квасили на зиму капусту. За обедом поднимали тост за благополучное окончание нынешней кампании и скорейшее взятие Санкт-Петербурга в следующем году. Единственное, что омрачало настроение кавалеристов, – недостаток фуража, от которого лошади гибли сотнями.

Двадцатилетний лейтенант Поль Бургуэн стоял у окна с неожиданной находкой: в огромной библиотеке московского градоначальника Ростопчина, который не успел спалить свой собственный дом (в печных трубах нашли кадки с ракетами, порохом и смолой), он обнаружил книгу своего отца – «Исторические и философские записки о Пие VI и его правлении вплоть до его удаления в Тоскану». Поль перелистывал страницы, но буквы расплывались из-за слез, внезапно навернувшихся на глаза. Отец... Такой добрый, простой, всегда веселый, неунывающий, неутомимый... Он умер в прошлом году. Пять лет назад брат Арман проявлял чудеса храбрости под Остроленкой, чтобы попросить в награду за свой подвиг новую должность для отца, который угодил в опалу, неловко предсказав желание Наполеона возложить себе на голову корону. Бургуэна-старшего тогда отправили чрезвычайным послом в Дрезден к Фридриху-Августу Саксонскому, чтобы присматривать за польскими делами³. Он начал писать мемуары, предназначавшиеся единственно для его сыновей, но успел окончить только первые пять глав. Теперь уже никакой подвиг не вернет его из могилы...

Несколько легкораненых, выпущенных из Воспитательного дома, пытались отнять у русского мешок с капустой; Анри Бейль выхватил саблю и прогнал их; русский бросился наутек со своим мешком, а Бейль продолжал свой путь.

Он сам предложил Пьеру Дарю подобрать новую квартиру для интендантства взамен дома Апраксиных, который был сильно разграблен под предлогом тушения пожара: Анри требовался повод, чтобы колесить по городу, бросив свои скучные занятия. Разумеется, все хоро-

³ Саксонский король одновременно являлся великим герцогом Варшавским.

шие дома оказались заняты. Маршал Мюрат, вынужденный бежать из роскошного дворца какого-то промышленника на Швивой горке, расположился теперь в имении графа Разумовского на берегу Яузы; чудом уцелевший дом князя Куракина, русского посланника в Париже, отдали раненому генералу Нансути. Этот дворец на Басманной поджег полицейский; дворецкий с четырьмя лакеями схватили его, избили палками и отвели к французам, которые тушили дом князя Трубецкого; поджигателя тотчас расстреляли. Аудитор Госсовета продолжал объезжать усадьбы, справляясь об их бывших владельцах.

Всё воодушевление от нового похода, с которым Анри выехал в путь в конце июля, нагруженный письмами и посылками для императора, испарилось за несколько дней на жаре, в пыли, среди грязи, вони и тупоголовых остолопов, нечистоплотных во всех смыслах этого слова. Как это было не похоже на самый первый его поход, двенадцать лет назад! Правда, тогда он был восторженным семнадцатилетним юнцом, для которого всё было внове: он только учился ездить верхом и обращаться с саблей, чуть не утонул в озере, чуть не свалился в пропасть во время перехода через перевал Сен-Бернар, но именно чувство опасности больше всего опьяняло вчерашнего ребенка, которого всегда чрезмерно опекали. А еще величественные пейзажи Швейцарии: горы, ледники, ущелья... Потом он увидел Милан и тотчас влюбился в этот город, где было красиво всё: дома, кофейни, женщины, театр – так тепло, шумно, приветливо, не то что в холодном тщеславном Париже! Все его приятели обзавелись там любовницами, и только он был слишком застенчив, чтобы заговорить с женщиной, не требовавшей денег за свои поцелуи. Платой за робость стала дурная болезнь, из-за которой младший лейтенант драгунского полка покинул армию. Прозябать в провинциальном гарнизоне? Не так лейтенанты артиллерии становятся императорами, а сыновья лавочников – маршалами Империи.

Скряга-отец назначил Бейлю слишком скудное содержание; на эти деньги было невозможно утолять духовную жажду и одновременно подвизаться в свете, возмещая искусством портного недостатки внешности, полученной от природы. Впрочем, его кузен Пьер Дарю, госсекретарь, тоже был далеко не красавец, и придворный костюм шел ему, как корове седло, однако он сумел пробиться в ближний круг, стал графом и великим офицером ордена Почетного легиона, а его брат Марсьяль Дарю теперь звался бароном. Оба не скрывали своего презрения к Анри, вечно витавшему в облаках, мечтая об успехах и наградах самого разного рода; его неудачная попытка сделаться банкиром в Марселе не улучшила их мнения о кузене, но родня есть родня, и вскоре Анри Бейль уже ехал с Марсьялем Дарю в Германию.

Наполеон был где-то впереди и одерживал победы, военный комиссариат тащился по его следам из Майнца в Вюрцбург, из Вюрцбурга в Бамберг... Йена, Прейсиш-Эйлау, Фридланд – для интендантства громкие победы означали только требования немедленно подвезти боеприпасы, перенаправить обозы с провиантом, вывезти раненых, устроить госпитали... Когда Пьер Дарю выехал в Эрфурт – готовить встречу императоров Франции и России, – его кузен Бейль остался в Брауншвейге.

Стендаль... Вообще-то Штендаль, но Стендаль, а еще лучше – Стандаль звучит гораздо красивее. В этом небольшом городке Анри пережил безумную страсть с Вильгельминой фон Грисхайм. Но в остальном ему не нравилось в Германии, ему опротивели черный хлеб и тушеная капуста с пивом – совершенно отупляющая диета, особенно вкупе с пуховыми перинами. Врач подтвердил, что у него сифилис, и рекомендовал лечиться в Париже, но австрийцы перешли в наступление, Бейль вернулся к своим обязанностям, видел пожиравший людей пожар Эберсберга, вступление Наполеона в Вену... Вена! Музыка, изящество, скука... Анри отправил прошение о своем переводе в Испанию, но, не дождавшись ответа, уехал в Париж.

Его назначили аудитором при Государственном совете и поручили составить опись произведений искусства в императорских музеях и дворцах. Он стал подписываться «Анри де Бейль», купил себе модный кабриолет, заказал печатки со своими инициалами, взял в любов-

ницы оперную певицу, но оказалось, что когда у тебя всё есть, то не о чем мечтать. Он взял отпуск на «несколько дней» и... уехал в Милан. Потом в Болонью, во Флоренцию...

В Риме он столкнулся нос к носу с Марсьялем Дарю, который поторопил его с возвращением из затянувшегося отпуска, а то Пьер уже рвет и мечет. Однако Анри прежде побывал в Неаполе, Помпеях, Парме... Как гнусно, что люди способны опошлить всё, что ни есть великого на свете, будь то Неаполитанский залив, Колизей или трагедия Геркуланума.

Пылающий Смоленск стал прелюдией к великому, эпическому пожару покинутой Москвы. Огромная огненная пирамида упиралась своей верхушкой в небеса, под самым серпом луны, и в этом было что-то ветхозаветное, мистическое, сверхъестественное. Но даже такое величественное зрелище не внушило никакого трепета мелочным душонкам мародеров, сновавшим, точно крысы, по дворцам, где с жалобным звоном лопались стекла от страшного жара. Товарищи Бейля запасались вином, поскольку это лучшее средство от поноса. Единственной добычей Анри стал томик «Анекдотов» Вольтера.

Москва потрясла его своей роскошью, отданной на поругание, – не холодной, тщеславной, показной, а созданной для удобства и приятности жизни, что еще увеличивало горечь утраты. В Вене люди с ежегодным доходом в сто пятьдесят тысяч франков всю жизнь серьезны и помышляют лишь о кресте ордена Святого Стефана; в Париже они из кожи вон лезут, чтобы потешить свое тщеславие, и на дух не выносят друг друга; в Лондоне они желают играть роль в правительстве, а здесь, в России, при деспотическом правлении, они купаются в наслаждениях и забавляют гостей... вернее, так было до самого прихода французов.

В разгар московских пожаров Бейль ехал в дрожках по Пречистенскому бульвару. Группа оборванцев, спасавшихся пешком, громко говорила по-французски. Анри велел кучеру остановиться; это были актеры французской труппы, которые прежде выступали в Арбатском театре, ныне плававшем, как свеча. На трагике была фризровая шинель и какой-то нелепый колпак, на комике – семинарский сюртук и треуголка, «благородный отец» был в штанах, а «злодей» – без оных, зато в ботфортах, несколько человек шли босиком, один, совершенно голый, завернулся в плащ своего товарища. Среди актеров была и дама – в красном жакете на меху, доходившем ей до колен, но без единой юбки. Анри предложил ей занять место в его коляске. О Боже! Аврора Бюрсе! Это с ее труппой в Россию уехала Мелани Гильбер – его Луазон! Волнуясь, Анри назвал себя; мадам Бюрсе сказала, что много слышала о нём от мадемуазель Сент-Альб. Она здесь? Жива? Увы, мадам Бюрсе ничего о ней не знает: Мелани давно покинула сцену и вышла замуж за какого-то русского генерала.

Мелани! Они вместе брали уроки декламации у Дюгазона (который потом сошел с ума и умер). Это было семь лет назад... Голубоглазый белокурый ангел меланхолии с такой же нежной душой, как у Анри. Они виделись каждый день, целовались, но и только: Мелани боялась снова забеременеть. Зато с ней он начал привыкать к счастью. Она получила роль в Большом театре Марселя, он приехал туда к ней. За семь месяцев он вновь разочаровался в себе и в жизни, к тому же разорился; Марсель стал казаться ему скучным, слезливое тиранство Мелани – несносным, он сбежал от нее в Германию, а она подписала ангажемент с труппой мадам Бюрсе.

В Петербурге труппа не произвела впечатления, ее отправили в Москву, и только мадемуазель Сент-Альб (сценическое имя Мелани) осталась в столице и появлялась вместе с мадемуазель Жорж в «Ифигении в Авлиде». Русская публика не оценила чувствительности, которую Мелани вкладывала в свою игру, называя ее плаксивостью, к тому же Луазон никогда не отличалась крепким здоровьем. Она расторгла контракт «по болезни». Хотя, скорее всего, это муж заставил ее покинуть сцену. Кстати, кто этот муж? Где они жили с Мелани: в Москве или в Петербурге? Этого мадам Бюрсе сказать не могла, у нее было полно своих хлопот. Ее брата Армана Домерга арестовали еще в августе и выслали на барже куда-то «в Азию» вместе с другими «подозрительными», а его жена с маленьким сыном осталась в Москве. Актеров

ограбили дважды: сначала русские, перед тем как покинуть Москву, а после французы; у них не осталось ничего, совершенно ничего – как им теперь жить? Бейль обещал поговорить о них с Дарю, он что-нибудь придумает.

Пьер действительно придумал. В двух кварталах от дома Апраксиных, где он по-прежнему квартировал, обнаружился почти не разграбленный угловой особняк с роскошным шестиколонным портиком, во внутреннем дворе которого был возведен двухэтажный театральный зал со сценой, оборудованной настоящими машинами. (И как это Анри его пропустил? Кхм.) Мародеры умыкнули занавес и люстру, но всё остальное цело, у входов поставили караулы. Император будет доволен, если в Москве появится французский театр. Пусть там играют комедии и водевили для развлечения гвардии. Генерал-интендант граф Дюма нашел в Кремле несколько сундуков с царской одеждой – сойдет для костюмов; занавес можно смастерить из церковной парчи и люстру взять тоже из собора. Пусть разучат какую-нибудь известную пьесу... Например, «Игру любви и случая» Мариво. Вход будет платным, все сборы – на пропитание актерам.

* * *

«Москва, 23 сентября 1812 г.

Милый друг, я получил твое письмо от 7 сентября, то есть дня Москворецкого сражения, таким образом, ты теперь знаешь об этом великом событии. Здесь всё хорошо, жара умеренная, погода прекрасная, мы расстреляли столько поджигателей, что их больше нет. От города осталась четверть, $\frac{3}{4}$ сгорели. Я совершенно здоров. Прощай, мой друг, будь здорова и весела, четырежды поцелуй за меня моего сына, любая мелочь, которую ты сообщаем мне о нём, доставляет мне удовольствие и вызывает желание его увидеть. Безраздельно твой, *Нан.*»

2

Престол Святого Евпла был ниспровержен, но жертвенник цел и непоколебим; все святые иконы в иконостасе невредимы, только с некоторых сорваны оклады. Спаситель лишился серебряного венца; с храмового образа архидьякона Евпла тоже сорвали венец, но вызолоченная серебряная риза осталась на месте. Часть мощей святого мученика отец Михаил отыскал в куче сора – уже без серебряной оправы. В верхнем этаже и престол Святой Троицы, и жертвенник уцелели и даже остались покрыты катасаркой и индитией, только антиминс куда-то делся; иконостас тоже сохранился во всём своем великолепии. Ризница же была разграблена, почти вся церковная утварь вынесена, пол усыпан медяками, которыми воры побрезговали.

Для отправления службы отец Михаил выбрал верхнюю церковь, покрыв престол антиминсом из нижней; крест и Евангелие есть, иконы тоже. Ну – Господи, благослови!

Протоиерей Кавалергардского полка, отец Михаил попался в плен к неприятелю в самый день оставления Москвы – не успел вовремя уйти. Его довольно грубо обыскали и ограбили, отняв всё, что было при себе ценного, в том числе из церковного облачения, а потом отвели в подвал, где сидели другие пленные. Несколько дней провели в жажде и голоде, содрогаясь сердцем от звуков, доносившихся в узилище, – Москва горела! Отец Михаил уже подумал грешным делом, что не быть ему живу, однако молитва его дошла до ушей Господа нашего. Как только пожары стали стихать и в подвал заглянуло какое-то начальство, священник протолкнулся к нему, заговорил на латыни. Его отвели к коменданту, который выслушал его участливо и раздобыл ему письменное разрешение на свободное отправление Божественной службы. Дальше ему пришлось испить еще одну горькую чашу, осматривая оскверненные, разграбленные церкви. В некоторых стояли уланские кони, в других ютились оборванные, закопченные люди, оставшиеся без крыши над головой, – женщины с детьми, больные, старики... Рядом с ними церковь Святого архидьякона Евпла на Мясницкой казалась почти нетронутой; правда, все служители ее сбежали. У входа на каменную лестницу, ведущую на гульбище, встали двое французских солдат – караул.

К счастью, какой-то пономарь явился сам, узнав, что Божий храм снова примет верующих. Как только он ударил в большой колокол, в церковь начал стекаться народ.

Был царский день – годовщина коронавания императора Александра Павловича. В душе отца Михаила боролись страх и радость, дерзость и печаль. Во время молебствия о здравии монарха и всей императорской фамилии народ с плачем опустился на колени. Многолетие пели более часа, пока люди один за другим подходили приложиться к кресту, и всё это время звонили колокола; пономарь дал себе волю, яростно перебирая малые и при этом ударяя во все тяжкие: «Здесь мы! Здесь мы!» – несло над изуродованной, смрадной, почернелой Москвой.

* * *

Торжественно рокотал орган, сопровождая *Te Deum laudamus*⁴; чистые сильные голоса выводили слова древнего латинского гимна, возносившиеся под белоснежные своды минского кафедрального костёла. Такой же белоснежной была голова Якуба Дедерки под епископской митрой; он тоже пел, и его незабудковые глаза под тяжелыми нависшими веками сияли внутренним светом.

Костёл был полон: публичное благодарственное молебствие за победы над неприятелем и занятие непобедимым войском города Москвы совершалось в присутствии всех военных и

⁴ Тебя Бога хвалим (лат.).

гражданских властей. Генерал-губернатор Миколай Брониковский сверкал золотом эполет и галунов, за его спиной заняли места представители всех главных шляхетских родов со своими семействами.

Когда пение смолкло, вперед вышел Ян Ходзько с заготовленной речью в руках. Немного волнуясь, он обводил костел взглядом больших синих глаз, пока не встретился с теплыми карими очами своей жены Клары, светившимися любовью и одобрением. Их шестеро детей сидели тут же, даже четырехлетний Михал и маленькая Зося.

– Граждане поляки! – заговорил председатель городской администрации. – Полтора ста лет прошло с тех пор, как польский народ, грозный врагам и образцовый во внутреннем управлении, стал, благодаря дурно понятым принципам свободы и гордости своих магнатов, клониться к упадку, и хотя в это время он не раз давал доказательства врожденного мужества, благородства, любви к Отечеству и иных высших добродетелей, он не смог избежать рокового предопределения, не смог превозмочь всеобщего падения нравов, и в последние часы своей политической жизни доблестный поляк имел силы лишь на то, чтобы почтить кончину своей матери-родины достойным и трогательным памятником...

По рядам пробежал легкий ропот; Ходзько перевернул страницу.

– Отечество, растерзанное соседями, утратило свое древнее имя, умерло для Европы и для всего политического мира, скрыв остатки жизненного духа в сердцах своих любимых сыновей: Домбровского, Князевича и других, которые, не будучи в силах помочь народу, старались сохранить имя польского солдата. Но вот, после восемнадцати лет разорения, позора и рабства, после потери всего, что смело называться польским, наше благополучие освещает новая утренняя заря. Герой, превосходящий своими подвигами всё, к чему с удивлением присматривались народы древности, и в кои позднейшие поколения поверят лишь на основании оставшихся свидетельств мужества, величия и доброты, соизволил обратить на нас, о братья, свои творческие силы, и всё принимает иной вид. Гордые своею многочисленностью, надменные отряды москалей обращаются в бегство, словно ночные тени пред ясным ликом солнца.

Ропот звучал теперь одобрительно, воодушевляя оратора.

– От знойных берегов Тахо до заснеженной Волги покоренная земля возносит горячие молитвы Творцу о продлении дней того, от чьей воли зависит благо стольких народов: одни, осчастливленные его милостивыми законами, наслаждаются плодами долгого мира, другие, выведенные из безвластия, – общим благом единомыслия и единения; наконец, мы, поляки, еще три месяца тому назад оторванные насильем тирана от остальных наших братьев, видим себя теперь в лоне единого Отечества и слышим из уст нашего избавителя: «Польша существует!»

– Да здравствует Конфедерация Польского королевства! – выкрикнул кто-то. Ему ответили: «Виват!»

– Могучие отряды великого Наполеона перешли русла Немана, Двины и Днепра, – продолжал Ходзько, – разбив неприятеля под Могилевом, Дриссой, Полоцком, Островной, Смоленском и Можайском, они водрузили победные знамена на стенах древней столицы москалей. С 1611-го года Москва не видела в своих стенах врага. Двести лет пребывала она в мире и своей безграничной гордостью пыталась уничтожить следы своего бывшего ничтожества, погасить память о мужестве поляков, приведших к подножию трона короля Сигизмунда III её царей закованными в цепи. Вот месть справедливого Неба, ниспославшего в лице Наполеона мстителя за обиды и притеснения. Наглый москаль преклоняет пред ним дрожащие колена и, забыв о своей недавней надменности, покорно ждет повелений нового владыки.

– Виват Наполеон! – послышалось снова. Ходзько выждал немного, перебирая страницы речи.

– Вместо Жолкевских, Гонсевских, Баториев, Замойских и столь же славных наших предков испуганные взоры скифов видят Понятовских, Зайончков, Князевичей, Чарторыйских,

Красинских, видят Радзивиллов, потомков прежних своих победителей, видят тех, кого еще так недавно они грозили поглотить и предать вечному забвению! – провозгласил он торжественно. – Уже отысканы следы тех путей, по которым наши предки ходили на поле славы. Братья литовцы, сыновья одной матери Польши, там ждут и нас! Нам открыт широкий путь к славе и великим подвигам! Нас призывает герой всего мира, избавитель Польши, великий Наполеон! Нас кличут народы Европы, созванные его могучим голосом для нашей защиты! Нас зовет пробужденное Отечество, зовут наши братья, покрытые победной славой среди неприятельских земель, нас зовет кровь убитых и раненых поляков: Грабовского, Мельжинского, Дембовского, Круковецкого, Мясковского, Чайковского и многих других, принявших смерть и раны за нашу свободу. Будем же достойными нашего назначения, покажем, что мы одной крови с другими поляками, докажем неотложным исполнением предначертаний правительства, установленных для нашего счастья, благодарность избавителю и любовь к Отечеству!

Эти слова были встречены рукоплесканиями. Первым зааплодировал Брониковский, братья Монюшко подхватили. Старший, Игнатий, два дня назад напечатал в «Литовском курьере» призыв вступать в конно-егерский полк, который он намерен создать за свой счет; Доминик и Чеслав уже записались в него. Рудольф Тизенгауз заканчивал формировать конную артиллерийскую роту из двенадцати пушек и ста тридцати лошадей, а желающих служить в пехоте набралось так много, что Брониковский составил из них целый полк.

– Забудем о благе личном, ибо благо родины должно быть нераздельно с любовью к ней, – продолжал Ходзько растроганным голосом. – Нет такой жертвы, нет таких даров, каких мы не принесли бы ради нас же самих! Наполним казну страны последним нашим достоянием – от этого зависит счастье всего народа, а потому и наше личное. Любовь к Отечеству вознаградит нас за всё самопожертвование, когда мы, вместе с Литвой, найдем то, что ныне ошибочно считают утраченным.

У многих в костёле блеснули глаза. Ян перевел дыхание.

– Кровью и жертвами наши братья-поляки снискали четыре года тому назад часть отторгнутого государства; кровью и жертвами они обратили на нас ласковый взор героя. Будем же поляками! Одно это слово сделает всё возможным. Принесем нашу кровь и имущество Отечеству, наши сердца, чувства, самопожертвование и благодарность – его великому и могучему избавителю. Да здравствует великий Наполеон, избавитель поляков!

Последние слова трижды повторили хором.

* * *

В конце службы владыка Варлаам призвал паству молиться о здравии императора Наполеона и императрицы Марии-Луизы. Плетью обуха не перешибешь. Не сделай он этого – кто-нибудь непременно донесет. Особенно после недавнего разбирательства с попом Борисо-Глебской церкви. Преподобный Варлаам заставил-таки его написать объяснительную, что во время Божественной литургии он поминал не царя Александра, а именно французского императора и итальянского короля, чему имелись многие свидетели. Поп артачился, не желал впутывать «свидетелей», ставить подпись свою на бумаге... Всяк клочок в тюрьму волочет, это верно, но без этого клочка он ныне скорее бы там оказался.

Ныне поляки силу взяли, голову подняли: ходят по улицам в кунтушах, закинув за спину рукава, и конфедератках с петушиными перьями; всем царским орлам, где еще оставались, по одной голове отсекали, чтоб на польский походили. Вон, минский епископ Дедерко уже не вспоминает, как кланялся императору Александру, получая из его рук «владимира» за основание Общества призрения бездомных, сирот, нищих и безнадежно хворых, – говорят, красуется с орденами Белого орла и Святого Станислава, которые ему пожаловал покойный король Понятовский. А ведь еще четыре месяца назад они были тише воды, ниже травы! Кочет, который

не ко времени поет, первым попадает в суп. Если верит кто, что Россия верх возьмет, пусть верит – Бог и безмолвную молитву услышит, а до ушей ксёндза Маевского ее незачем доводить. Дело пастыря – от овец волков отгонять; как он это будет делать – его забота, может, сам по-волчьи взвояет, лишь бы отошли и не тронули. Император Александр далеко, в Петербурге, что ему за беда, если в Могилеве расстреляют попа Борисо-Глебской церкви. Даже если узнает и похвалит за верность беспримерную, то всему приходу осиротевшему какая от того корысть? Претерпевший же до конца спасется...

* * *

В птичий свист вклинился резкий звук трещотки дрозда-рябинника: тр-трр – тыр! Такое же тыркание с присвистом ответило по другую сторону дороги, еще и еще. Всё стихло, только ветер, играя, шумел кронами дубов и берез, обрывая с них желтые листья. По тракту застучали копыта; вскоре к топоту прибавились лязг, скрип, гул негромких разговоров, смех... Хью-хью-у! – тревожно вскрикнула неясность. Псип! Пси-ип! – отозвались с другой стороны. Придержав коней, передовые всадники завертели головами, глядя вверх, – стрелы вонзились им в грудь, коротко свистнув; лес огласился гиканьем и улюлюканьем: татары и казаки ударили на отряд с флангов, гусары мчались по дороге с фронта. Крики, выстрелы, звон сабель – «Держи!» Убитые конвойные валялись под ногами своих коней, испуганные фурлейты замерли с поднятыми вверх руками; маленькая кучка всадников неслась галопом назад к Вязьме, взметнув за собой завесу пыли.

Татары собирали разбежавшихся лошадей, оставшихся без седоков; казаки ссорились из-за добычи; семь фур, груженных порохом, свезли в поле подальше от дороги и подожгли.

– *Qui a détalé là comme un lièvre?*⁵

Два французских офицера вздрогнули от неожиданности, услышав родную речь из уст низкорослого смуглого толстяка с черной бородой клином, в сером кафтане, войлочном колпаке и с образом какого-то святого на груди.

Пороховые бочонки стали взрываться с оглушительным грохотом, прервав допрос. Кони ржали, четыре десятка пленных втягивали голову в плечи, с опаской поглядывая на казаков. Когда шум немного утих, коротышка продолжил:

– *Je répète ma question: qui est cet officier qui a réussi à se sauver? Avait-il des papiers importants sur lui?*

Капитан облизнул пересохшие губы и сказал, опередив лейтенанта:

– *Je crois que vous parlez du général Zayoncek, mon... monsieur*⁶.

– Вот черт, Зайончека упустили! – сказал майор Степан Храповицкий, оборотившись к командиру гусар. – Ладно, в другой раз как-нибудь! Везите этих в Скоблево, там их лучше расспрошу!

Поднажившись, он забросил свое грузное тело в седло и умчался галопом, сопровождаемый двумя казаками.

* * *

С крыльца дома смоленского губернатора спустился польский офицер – яркий, как петух; окинул взглядом четырех мужиков, мнящих в руках свои шапки, спросил, что им нужно. Один из мужиков, видно, набольший, твердо сказал, что им нужно видеть главного французского

⁵ Кто это задал стрекача, как заяц? (*франц.*)

⁶ Повторяю вопрос: кто этот офицер, которому удалось сбежать? Были при нём важные бумаги? – Я думаю, вы говорите о генерале Зайончеке, госп... сударь (*франц.*).

начальника, дело важное и секретное. Подумав немного, офицер приказал часовым обыскать просителей, после чего сам отвел их в помещение кордегардии.

– Генерал Барбанегр сейчас занят, – сообщил он. – Я его адъютант, полковник Костенецкий, вы можете изложить ваше дело мне.

Мужики переглянулись.

– Донести желаем, – снова заговорил набольший, – на барина нашего, Павла Ивановича Энгельгардта. Он ваших много побил, которые в Дягилево за харчами приходили, и мы место, где они закопаны, указать можем.

Поляк окинул их испытующим взглядом. Потом велел им ждать здесь: он должен доложить генералу и получить приказания.

– Только это, слышь, барин, – окликнул один из мужиков полковника, когда тот уже повернулся к ним спиной, – слово дай, что вы его не отпустите, как в прошлый раз!

* * *

«Москва, 29 сентября 1812 г.

Г. Маре, герцогу Бассано, министру внешних сношений, в Вильну.

Господин герцог, я получил ваше письмо от 23-го числа. Держите меня в курсе исполнения моих приказов о движении войск, отданных в Берлине и Данциге.

Мне крайне необходимы 14 000 лошадей для кавалерии. Я приказал генералу Бурсье отправиться в Вильну, предоставив в его распоряжение 4 миллиона серебром и дав ему карт-бланш. Закупки следует произвести в Ганновере, Берлине, Эльбинге, Варшаве и Литве, если это возможно. Я отправил к генералу Бурсье нарочного с приказом ехать сначала в Берлин, а оттуда в Вильну; постарайтесь всё подготовить к его приезду. В Могилевской провинции есть невероятно богатые евреи; призовите главных из них и узнайте, можно ли получить у них 3–4 тысячи лошадей с доставкой в Вильну или в Могилев, уплатив за них наличными.

Генерал Гогендорп пишет мне, что татарам не терпится встать под мои знамена; в этом деле нужно подвигаться вперед. Можно запросто создать из них полк, если в наличии имеются 1000 людей и 1000 лошадей. Вообще не пренебрегайте никакими средствами заполучить кавалеристов, не жалейте денег. Поторопите также Великое княжество Литовское и Варшавское герцогство, чтобы они прислали людей и лошадей в полк польских шеволежеров моей Гвардии под командованием Красинского. Я хотел бы довести этот полк до 1500 сабель, а он до сих пор малочислен. Чем занята мелкая шляхта? Я написал вам вчера, чтобы вы трясли правительство Варшавского герцогства, заставляя делать что-нибудь для пополнения кавалерии и пехоты. Я также рекомендовал вам написать всем союзникам, чтобы присылали рекрутов и лошадей. От прусских полков, находящихся здесь, ничего не осталось. Что мешает Пруссии их пополнить? То же относится к саксонским полкам. Действуйте в этом направлении, пусть мои послы проводят совещания и постоянно этим занимаются.

Мне незачем напоминать вам о том, что с формированием девяти полков следует поспешить. Литва должна понять, что от формирования этих полков зависит ее спокойствие. Если бы они проявили больше усердия, то у них были бы сейчас 3–4 тысячи человек у Дриссы, которые препятствовали бы вылазкам казаков, столько же близ Бобруйска и столько же у Минска, и во всём Великом княжестве Литовском воцарился бы покой.

Наполеон».

3

Окопаться и ждать француза? Здесь? Между двух рек спереди и с густым лесом сзади? Позиция невыгодная, тактика неверная, и...

– Ваша позиция под Фридландом была хороша для вас, а я доволен своей, – оборвал Кутузов Беннигсена, даже не повернув носа в его сторону. – Здесь мы и останемся, ибо тут я команду и отвечаю за всё.

Арьергард, утомленный недавней схваткой, занял высоты у села Тарутино, раскинувшегося по обе стороны Старой Калужской дороги. Вдоль берегов Нары и впадающей в нее Исти фельдмаршал приказал строить эскарпы, флешы, люнеты, делать засеки в лесу, расположив войска в четыре линии. Шарканье лопат и звонкий стук топоров перекликались с гулом пушечной пальбы и сабельным звоном: генерал Милорадович отражал атаки неприятеля, который пытался овладеть высотами, заходя то с одной стороны, то с другой, но везде встречая отпор, так что генерал-майору Шевичу даже удалось продвинуться несколько вперед на правом фланге: его уланы бросились вперед, притупив свои пики о французские кирасы, в то время как егери полковника Карпенко прокладывали себе путь штыками. К вечеру неприятель отступил и стал лагерем неподалеку.

В шинели и белой фуражке Кутузов стоял возле крайней избы в деревне Леташевка, которую выбрал себе под квартиру, и смотрел на проходившие по дороге полки, направлявшиеся кто на левый, кто на правый фланг. (Беннигсен, занявший избу напротив, не выходил оттуда, делая вид, что занят важными делами.) Молодой офицер-артиллерист ехал на лафете – должно быть, ранен слегка или контужен. Верховой офицер держал за ноги живого зайца, извивавшегося в его руке.

Бабье лето! Слава тебе, Господи, кончились дожди. Вечер ясный, погожий, воздух мягкий, дышится легко. Даже глаз сегодня не болит. Фельдмаршал смотрел на офицеров без эпюлет и шарфов, в грубых плащах и мятых фуражках, на солдат в потертых шинелях и мундирах, перехваченных пожелтевшими и побуревшими, давно не белеными португезами, – не до красоты сейчас. Кое-кто еще был в летних форменных панталонах, но большинство ходили в чём попало – в брюках, и белых, и пестрых. А вот это уже нехорошо: брюхо себе ночью застудят – начнутся горячки и лихорадки. Пусть-ка умельцы первым делом садятся портняжничать, сукна с собой привезено довольно. Жаль, конечно, что столько добра пожгли да в реке потопили...

Между первыми двумя линиями вдруг загомонили, подняли крик, беготню – что такое? Взяв с собой адъютантов, Кутузов пошел посмотреть.

Заяц-таки вырвался на волю и бросился бежать, отчаянно ища лазейку. Солдаты кинулись ловить его – бегали, падали, опрокидывая ружья, только что составленные в козлы, спотыкались о снятые ранцы; кричали все – и кто ловил, и кто не ловил; это было так смешно, что у Кутузова выступили слезы на глазах и закололо в боку. Махнув рукой, он пошел обратно.

* * *

«Москва, 29 сентября 1812 г.

Князю Невшательскому и Ваграмскому, начальнику главного штаба Великой армии.

Кузен, прикажите герцогу Истрийскому встать со своим наблюдательным корпусом позади неаполитанского короля⁷, как он того желает, и без промедления заняться уничтоже-

⁷ Князь Невшательский и Ваграмский – маршал Бертье, герцог Истрийский – маршал Бессьер, Неаполитанский король – маршал Мюрат.

нием укрепленного лагеря неприятеля. Рекомендуйте ему сделать так, чтобы от этого лагеря не осталось и следа.

Сообщите Неаполитанскому королю приказ, отданный герцогу Истрийскому; пусть он знает, что лучше продолжать грозить неприятелю обходом с правого фланга, чем с левого: если бы в мои планы входило начать движение и армия находилась бы там, где сейчас находится король, неприятель бы погиб.

Прикажите генералу Шаслу отправить роту саперов в укрепленный лагерь неприятеля для помощи в его уничтожении. Поскольку неприятель счел эту позицию выгодной, пошлите инженеров-топографов снять ее планы, чтобы мы знали ее, если он захватит ее снова.

Наполеон».

* * *

Все окрестные деревни, селения, усадьбы стояли пустые: помещики уехали подальше, забрав, что получше, крестьяне убрались в леса, прихватив свой нехитрый скарб. Солдаты растаскивали избы на шалаши для себя и землянки для офицеров – ямы по пояс глубиной обставляли жердями и оплетали соломой, на окраинах можно было сидеть и лежать. В одной избе на берегу речушки артиллеристы устроили баню и даже успели попариться в ней в несколько заходов – пока кто-то не уволок ее к себе. В Тарутинском лагере, похоже, стоять намеревались долго, нужно было устраиваться основательно: осень на дворе.

Фельдмаршал раздавал награды за Бородинское сражение – живым и мертвым, но чаще старшим офицерам, хотя и нижние чины получили несколько Георгиевских крестов. Подпоручикам и прапорщикам, указанным в списках последними и не получившим ничего, приходилось молча глотать обиду, поздравляя командира с очередной золотой шпагой «За храбрость». Всем солдатам сверх того выдали по пять рублей ассигнациями, а офицерам – треть жалованья не в зачет, и это оказалось очень кстати, а то и табаку купить было не на что.

На ловца и зверь бежит: из Калуги наехали купцы и маркитантки с разными припасами, среди которых были даже арбузы, виноград и ананасы; поручики завелись чаем и сахаром, капитаны – ромом и водкой; турецкий табак из экономии мешали с простым, на вино и окорока чаще облизывались издали. Зато из ближних селений, не покинутых жителями, потянулись телеги со свежим ржаным, а часто и пшеничным хлебом, маслом и яйцами, которых в армии не видали уже давно, пирогами и блинами. Правда, пока они добирались до первой линии, весь товар уже разбирали, но и остатков было довольно, так что «дядька», распорядившийся денщиками, теперь потчевал молодых офицеров разносолами: щами с капустой, свеклой и прочей зеленью, жарким из говядины, кашей с маслом, жареным картофелем. Всё это казалось еще вкуснее под разговоры о том, что французы в Москве едят одну пареную рожь и конское мясо.

За сеном и соломой отправлялись по сёлам на фуражировку, надеясь разжиться при случае курицей, гусем или целой свиньей. Лошадям тоже настало раздолье – им привозили немолоченный овес в снопах. Сначала они накидывались на угощение с жадностью и ели всё подряд: колосья вместе с соломой, а дня через три стали объедать только колосья.

Офицерам нравилось ездить на фуражировки, особенно по пустым помещичьим имениям (это было гораздо интереснее, чем обучать новобранцев или следить за работами). На биваках постепенно появились ломберные столы красного дерева, продавленные диваны, кресла и стулья; правда, мебель была ободранная и чаще трехногая, четвертую ножку кое-как прибавляли гвоздями. Навезли и книг – коротать длинные вечера: приключения младенцев Дюкре-Дюмениля в лесах, на горах и безлюдных островах, страдания призраков в мрачных замках Анны Радклиф, пьесы Августа фон Коцебу, «Жиль Блас», путешествие капитана Кука... Всё это было таким же разрозненным, как и мебель: не хватало то начала, то конца, то середины, но никто не привередничал. Кроме того, в лагере составились общества, где можно

было весело провести время. В картежных кружках метали банк и играли в бостон, а проигравшие сразу свое третное жалование поневоле обратились в философов и обсуждали по вечерам вопросы мироздания – или разбирали баталии нынешней войны.

Компания порой подбиралась самая пестрая. К штабс-капитану 12-й роты конной артиллерии помимо его подчиненных приходили пить чай два майора Софийского полка – лифляндец и русский, два полковых доктора и поручик-англичанин. Самоваров не было, поэтому чай насыпали в медный чайник, где обычно кипятили воду. Каждый приходил со своим стаканом и трубкой; один из докторов приносил флягу и потчевал всех водкой, якобы настоенной на полыни и потому полезной для желудка, но если на дне этой фляги когда-то и лежала полынь, то теперь даже запаха ее не осталось. Расположившись у костров с трубками, сидя или лежа, кто как привык, говорили обо всём и обо всех.

Решение фельдмаршала оставить Москву, против которого раньше все восставали, теперь начинало казаться разумным: армию он сохранил, а Москву вернем. Французы там долго не удержатся; говорят, они голодают и бедствуют, их фуражиров бьют не только партизаны, но и мужики, – вон, в лагерь сегодня пригнали пленных. Но ведь и Барклай поступил бы точно так же – отчего же шельмуют этого благороднейшего, храброго и распорядительного генерала? Поскольку Первая и Вторая Западная армии теперь слились в одну, Барклай получил отставку и уехал со своим адъютантом Закревским во Владимир. Говорят, он серьезно захворал... Его винили за то, что он отступал, а почему он отступал – не говорили, вот солдаты и называли его изменником чуть ли не в глаза. Жаль его. Ни изменником, ни трусом он не был; офицеры, служившие под его началом в Финляндии, всегда защищали своего командира, а молодые почтительно помалкивали.

Новости добирались до лагеря черепашьям шагом; только «секретные», подслушанные адъютантами и ординарцами в главной квартире, разлетались в один момент. Запоздало узнав о смерти генерала Кульнева, знавшие его лично и по рассказам много жалели о нём. Жалели и князя Багратиона, но вместе с тем и осуждали: зачем же командующему везде бросаться самому, не думая о том, что будет с армией, когда его убьют. Досталось и графу Кутайсову, хотя и его сильно жалели: мало того, что начальник всей артиллерии скакал по передовым батареям, так еще и вздумал с пехотой атаковать неприятеля, как будто без него не обошлись бы: там ведь были и Раевский, и Паскевич, и Васильчиков... И младший Тучков погиб из удалства, а вот старшего жалко: он такой же рассудительный и хладнокровный, как Дохтуров, и пал не от неблагоразумия своего, а... видать, такая судьба.

В темном ясном небе густо высыпали звезды – казалось, что это души погибших всех чинов и возрастов смотрят теперь с высоты на своих товарищей, посылая им свой свет в ободрение.

– Не кажется ли вам, – спросил один из докторов, – что если бессмертные части нашего разума, сиречь души, соединившись с Божественным началом, сохраняют знание о прошлом, видя с высоты настоящее, то их участь незавидна? Неужели это и есть вечная жизнь – всё помнить и знать? Это было бы мучением. Я предпочел бы забвение и полный покой.

– Кто его знает, что там, – отозвался штабс-капитан, глядя вверх. – Планеты высоко, большие звезды еще выше, и малые всё дальше и дальше, и нет конца... Или всё же есть конец всему? И звездам, и пустоте?

– Я полагаю, пределов мира нет, как нет и его начала, – отвечал ему доктор, – хотя это и выше нашего понимания. Мир – вне нас и внутри нас, внутри каждого существа и предмета, от малейших до самых величайших.

– Я согласен с коллегой в том, что с нашим концом наши души присоединяются к своему началу, – вступил в разговор второй доктор (любитель полынной настойки). – И раз уж мы заговорили о душах, то не мешало бы помянуть их обычным порядком.

С этим согласились все без исключения и помянули души убитых горячей водою с ромом из запасов штабс-капитана.

От солдатских костров доносились песни, музыка, а иногда взрывы хохота: там вели свои разговоры и слушали сказочников с большим запасом разного рода историй, печатать которые не допустила бы цензура.

– Странная вещь, господа, – сказал майор-лифляндец, задумчиво затянувшись своей большой трубкой с мундштуком из козьей ножки. – Кажется, все мы дети одного Адама, а бьемся, деремся, стреляем, убиваем друг друга, точно мы дикие звери.

– Часто и родные дерутся не хуже собак, – возразил ему на это второй майор.

– А я полагаю, что Адамов было много, – заявил доктор-философ. – Не может быть, чтобы европейцы, турки, монголы, эфиопы, американцы имели только одного общего предка. У каждого племени был свой Адам, даже у нас, в России.

– И всё же это не мешает нам понимать друг друга, – вступил в разговор штабс-капитан. – Звери же, происходящие от разных предков, к тому не способны. Волки будут резать овец, лисы – душить кур, так уж у них заведено от природы, но мы-то, в самом деле? Разумные существа? Вот мы сидим здесь: русак, лифляндец, англичанин, я – остзейский немец, родившийся в Молдавии, – у одного костра, под одним небом, пьем чай из одного чайника... Если Адамы, так сказать, смогли поладить, то почему бы и целым племенам не жить так же? А то... Под Аустерлицем мы дрались против французов вместе с австрийцами, в Тильзите мы обнимались с французами, теперь австрийцы воюют с нами на стороне французов...

– Теперь другое, – произнес кто-то заплетающимся языком. – У них это дело родственное.

В «Известиях из армии», которые зачитывали войскам, не помещали малоутешительные рапорты о положении армий на Волыни и около Риги, однако находились всезнайки, которые утверждали, что вялые действия против австрийцев и пруссаков, прежних наших союзников, объясняются политическими обстоятельствами: как только ситуация переломится, они не замедлят перейти на нашу сторону, вот и не нужно слишком теснить их.

С родственных и дружеских отношений между нациями перешли к собственным семьям, вспомнив, что с самого начала кампании никто еще не написал ни одного письма домой. Женатых в обществе не оказалось (штабс-капитан считал, что опутывать себя семьей раньше тридцати лет не стоит, а ему было двадцать шесть), но и родители, сестры, братья, должно быть, изнывали от тревоги о своих родных. Дружно решили непременно написать домой и отправить письма через главную квартиру; с этим честным намерением и разошлись.

Завтра будет новый день, новые труды. Война не закончена, еще предстоит тяжелый поход. Солдаты чистили ружья, точили сабли, подправляли оси у зарядных ящиков – за этим командиры следили строго. Портные шили зимние панталоны из крестьянского сукна – белые, серые, черные; сапожники строили сапоги, шорники исправляли конскую сбрую, плотники и кузнецы тоже трудились не покладая рук, коновалы осматривали лошадей и лечили подпарины от хомутов и седел, в лесах жгли уголь про запас... Вот поправимся чуток – и снова встретимся с французом.

* * *

Хмурый генерал Ермолов ехал через весь лагерь в главную квартиру. Время было обеденное, солдаты, расположившиеся у костров (в одних рубашках, в башмаках на босу ногу), вставали при его приближении («Здравия желаем, ваше превосходительство!»), офицеры в бурках и латаных шинелях тоже поднимались, но Алексей Петрович останавливал их: «Ничего, господа, продолжайте ваше занятие». Цесаревич Константин или граф Аракчеев были бы, наверное, возмущены такой распушенностью (особенно усами, отросшими у офицеров), но Ермолов

не придавал большого значения внешнему виду: разложение армии начинается с пьянства и воровства. Насчет первого в лагере было строго, а для второго просто не имелось возможности: все в равных условиях, не сухари же таскать друг у друга. Дурное настроение генерала было вызвано тем, что второй его рапорт об увольнении от должности был отвергнут, Ермолову не удалось уехать вслед за Барклаем. Он вынужденно оставался при штабе, превращенном в гадючье гнездо интригами, происками и чванством, наблюдая за тем, как храбрый генерал Коновницын, назначенный дежурным генералом и первым докладчиком, менялся прямо на глазах, подтачиваемый завистью и честолюбием: рассорил Ермолова с полковником Толем и вместе с последним сеял вражду между фельдмаршалом и генералом Беннигсеном, начальником Главного штаба. Тревожило Алексея Петровича и совершенное спокойствие в неприятельском лагере: не означало ли это скорое прибытия главных сил? Тарутинский лагерь тщательно укреплен, но вместе с тем и тесный, перемещение войск внутри него затруднительно. В случае нападения неприятель был бы отбит со всех сторон, но и не позволил бы развить контрнаступление, имея свои батареи на высоком берегу речки. Вряд ли французы станут атаковать, тем более с правого крыла, как многие ожидают, но вот если они двинут главные силы по Калужской дороге... Впрочем, может быть, сейчас всё прояснится. Ермолов ехал не один, его сопровождал странный всадник в мундире из толстого солдатского сукна, с «георгием» в петлице, с небольшой русой бородкой и по-крестьянски стриженный в кружок.

Артиллерийский капитан Александр Фигнер, несомненно, был храбрым и предприимчивым офицером, к тому же превосходно знал французский, немецкий и итальянский языки; он сам вызвался проникнуть в Москву и доставить самые достоверные сведения о французской армии. Некоторые офицеры помнили его по войне с турками; своего «георгия» Фигнер получил за какой-то подвиг во время осады Рушука: покойный генерал Каменский лично прикрепит крест к его груди, сняв его с убитого Сиверса. Ермолов не имел оснований не доверять Фигнеру, и всё же его слегка коробило от позерства молодого офицера, воображавшего себя героем романа и даже изъяснявшегося книжно и выпренне.

Он не скрывал, что его цель – убить Наполеона (и прославиться как убийца тирана). По его словам, сделать это было нетрудно: Фигнер пробрался бы в Кремль под видом истопника, подстерег бы Бонапарта и застрелил его из маленького пистолета. Выслушав тогда этот нелепый план, изложенный, однако, настолько убедительно, как будто всё уже готово, стоит только приказать, Кутузов выслал Фигнера из избы, оставив рядом одного Ермолова, и принялся в волнении ходить взад-вперед, заложив руки за спину и рассуждая сам с собой.

– На чём основаться? – размышлял он. – К примеру, в Риме, во время войн с Эпиром, Фабрицию предложили отравить Пирра, чтобы разом покончить войну, – доктор предложил, так Фабриций отослал его к Пирру и разоблачил как изменника.

– Да, так было в Риме, давно уже, – подтвердил Ермолов, не зная, что еще сказать.

Кутузов встал перед окошком, в которое виднелось зарево московского пожара.

– Как разрешить! Если бы явно драться с Наполеоном, мне или тебе, то еще куда ни шло, а тут... Выходит то же, как разрешить пустить в Наполеона камнем из-за угла. Да и удастся Фигнеру это дело – скажут, что я убил Наполеона, или ты, но никак не он... Как ты думаешь?

«Конечно, тебе бы хотелось, чтобы я и решение взял на себя: выйдет – Ермолов виноват, не выйдет – Кутузов ни при чём», – подумал про себя Алексей Петрович, а вслух сказал:

– Как угодно приказать.

Хождение из угла в угол продолжилось. Выждав немного, Ермолов напомнил, что Фигнер дожидается – что сказать ему? Кутузов остановился, еще подумал, разнял руки и махнул обеими:

– Христос с ним! Пусть возьмет себе восьмерых казаков на общем положении о партизанах.

Ермолов выправил Фигнеру в штабе подорожную в Казань, чтобы сохранить его миссию в тайне, но капитан сам рассказывал всем и каждому, что едет в Москву убивать Наполеона и живым не вернется, семью же свою он якобы препоручил Ермолову. Французский император, впрочем, каким-то образом уцелел, однако небольшой отряд Фигнера нападал по ночам на мародеров среди пламени пожаров, устраивая засады на улицах и в домах. Отважные и скрытные, мстители были вездесущи, наводя панический страх своим внезапным появлением и исчезновением, точно они возникали из самого пламени; даже имея их перед глазами, истребляемые ими французы не могли их уничтожить; Наполеон объявил награду за голову Фигнера (так рассказывал он сам генералу Раевскому, явившись к нему в Подольске). Москву Фигнер покинул с французским пропуском как хлебопашец из Вязьмы, возвращающийся в место жительства. «Крестьянина» взял в проводники небольшой французский отряд из выздоравливавших раненых, следовавший от Можайска; Фигнер проделал с ними целый переход, бежал с ночлега в лесу и вернулся уже со своими удалцами, захватив шесть орудий итальянской артиллерии и сотню пленных, среди которых оказался полковник из Ганновера – знакомый юности генерала Беннигсена; остальных перебили. Раевский, знавший Фигнера прежде, не подверг сомнению его слова о том, что Ермолов приказал первому же встреченному им начальнику выделить партизану небольшой кавалерийский отряд для действий на коммуникациях неприятеля. И вот теперь Ермолов слышал за своей спиной: «Фигнер! Фигнер! Тот самый...» Сегодня вечером у всех костров снова будут звучать рассказы о его подвигах, хотя не один только Фигнер командовал партизанским отрядом в окрестностях Москвы: капитан Сеславин и полковник князь Кудашев действовали не менее удачно, ежедневно приводя пленных, так что французы теперь отправлялись на фуражировку не иначе как с пехотой и пушками. Но Фигнер на глазах превращался в сказочного героя – ловкого, находчивого, способного прикинуться кем угодно, разве что не взлетавшего соколом под небеса и не плывшего щукой в синее море. Что ж, послушаем, что ему удалось разузнать.

* * *

Гнедой конь под парчовым чепраком мчался галопом; всадник в собольей шапке с тремя пышными перьями сидел в седле, как влитой; наброшенная на его плечи леопардовая шкура развевалась на ветру, открывая зеленый кафтан, перехваченный широким золотым поясом, и глазетовые панталоны.

– Король поехал! – посмеивались казаки.

Навстречу Неаполитанскому королю уже скакал генерал Милорадович с нагайкой в руке; за его спиной хлопали, точно паруса, целых три яркие шали разных цветов, обернутые концами вокруг его шеи. Ни трубач, ни барабанщик не требовались: ни с одних аванпостов не стреляли, встречи Мюрата и Милорадовича были для солдат занимательнее представления на ярмарке.

Съехавшись, они обменялись поклонами; сопровождавшие их офицеры перекинулись учтивыми фразами. Конь Мюрата топтался на месте, перебирая стройными ногами; Милорадович внимательно слушал маршала, покуривая свою константинопольскую трубку, потом указал в сторону нагайкой, сопроводив этот жест какими-то своими замечаниями. Поговорив еще немного, они раскланялись и разъехались.

– Должно, замирение скоро будет, – рассуждали казаки, провожая взглядом короля, возвращавшегося восвояси. – Уж третий раз встречаются.

4

«Приказ на 29 сентября 1812 г.

Невзирая на отданные повеления, чтобы прекратить грабеж, оный в некоторых частях города продолжается, почему и приказывается господам маршалам, главным командирам армейских корпусов, держать солдат в пределах частей их квартирования. Запрещается позволять офицерам или солдатам приходить в город в отрядах или поодиночке, чтоб отыскивать муку, кожи и прочие вещи. Император приказал генеральной администрации составить магазины изо всего, что было покинуто в городе жителями, которые бежали, бросив свое имущество; Его намерение состоит в том, чтобы употребить найденное на регулярные раздачи для армии... Господин губернатор герцог Тревизский⁸ прикажет караульным на заставах, разным постам и патрулям в городе арестовывать тех, кто будет нести или переносить припасы, не происходящие от регулярных раздач. Господа маршалы сделают все зависящие от них распоряжения, чтобы защищать крестьян, везущих припасы и фураж в Москву. Солдаты, взятые под караул за грабеж, будут, считая от завтрашнего дня, то есть от 18/30 сентября, преданы воинским комиссиям и суждены по строгости законов.

Начальник штаба Великой армии, князь Невшательский и Ваграмский.

1. Считая от сего числа, крестьяне и земледельцы, живущие в окрестностях Москвы, могут без всякой опасности привозить в город свои припасы, какого бы рода они ни были, в два назначенных лабаза, то есть на Моховую и в Охотный ряд.

2. Оное продовольствие будет покупаться у них по такой цене, на какую покупатель и продавец согласятся между собою; но если продавец не получит требуемую им справедливую цену, то волен будет увезти товар обратно в свою деревню, в чём никто ему ни под каким видом препятствовать не может.

3. Каждые воскресенье и среда назначены еженедельно для больших торговых дней, почему достаточное число войск будет расставлено по вторникам и субботам на всех больших дорогах в таком расстоянии от города, чтоб защищать обозы».

* * *

Партер был набит солдатами, в ложах сидели офицеры всех родов войск; в оркестр отобрали лучших солистов из числа полковых музыкантов. После «Игры любви и случая» объявили антракт, зрители устремились в роскошные залы со стенами, расписанными под рошу, где гренадеры подавали прохладительные напитки и сласти. Второй пьесой стал водевиль «Любовник, писатель и слуга» Серона. Русский танец, исполненный мадемуазель Ламираль (она обучала танцам благородных девиц из Смольного института) был встречен бурей аплодисментов, романс, пропетый Луизой Фюзиль, произвел фурор. Актеры выходили кланяться; на них были роскошные костюмы из шелка и парчи, скрывавшие отсутствие нижнего белья. Все сборы поступали в их распоряжение, за исключением небольшой суммы на оплату свечей.

Император не почтил театр своим присутствием: он не любил комедию, предпочитая ей трагедию и оперу; его развлекал в Кремле известный тенор Тарквинио, которому аккомпанировал Мартини – сын знаменитого композитора, написавшего романс «Утехи любви». Как странно, что они оба оказались в Москве...

Жаловаться на скуку Наполеону не приходилось. В Кремле кипела работа: ворота окружали тамбуром из частокола с бруствером, чтобы их нельзя было высадить из пушки; настен-

⁸ Маршал Мортье.

ные башни пробивали, освобождая проход; у стены строили люнеты, собираясь разместить там тяжелые орудия; с наименее защищенной стороны углубляли ров и насыпали гласис. Все ненужные постройки внутри и вокруг Кремля император приказал снести, особенно эту пеструю мечеть с несколькими колоколенками, у выезда из Спасских ворот на Красную площадь, а еще осушить пруд, в который русские побросали сто тысяч ядер, и достать их оттуда. Он выписал из Парижа двести хирургов, которые должны быть уже в пути, и накричал на маршала Мортье, явившегося просить у него провиант для полиции. Конечно, кушать надо всем: и раненым в Воспитательном доме, включая русских, и обывателям на пепелищах, но почему всех их должен кормить император? Почему бы русской полиции самой не ездить на фуражировки по деревням, покупая продовольствие у крестьян? В Париже для этого было напечатано достаточно русских денег. Пусть выделяют особую роту человек в сто; если дела у нее пойдут хорошо, можно будет создать еще три-четыре такие же и пополнять городские магазины для удовлетворения местных нужд. Займитесь этим вместе с префектом Лессепсом и не теряйте времени.

* * *

– В погреб они полезли, дядя Игнат.

– Много их?

– Двое, с шаблоками такими. – Мальчишка шмыгнул носом. И повторил под недоверчивым взглядом бородатого мужика: – Двое, вон кони ихние стоят.

Мужик взглянул на оседланных коней, привязанных к столбикам парадного крыльца.

– Должно, остальные где-то неподалеку, они по двое не ездят, – решил он. – Ты вот что: скажи-ка в Озерки, там вроде надысь наши стояли, скажи им, чтоб поспешали сюда. Дай-ка подсажу.

Конь не слушался, однако мальчишка всё же совладал с ним и ускакал, болтая локтями и подпрыгивая на седле. Дядя Игнат половчее перехватил свою дубину и встал у выхода из повалуши – дожидаться непрошенных гостей.

Они не замедлили появиться: наверно, услышали топот копыт. Первому Игнат размозжил голову; второй выстрелил в него из пистолета, но не попал; на руку с пистолетом обрушилась дубина, хрустнула перебитая кость; француз закричал, выронив оружие, и попятился внутрь; Игнат ворвался следом, столкнул его в зев, творила спиной вперед, прислушался... Вроде затих. Вторую лошадь он отвел в пустую конюшню и запер дверь на засов.

Едва он успел спрятать мертвое тело в канавке, присыпав сверху жухлыми листьями, и обтереть мхом свою дубину, вымазанную в крови и мозгах, как земля зазвенела туго натянутым барабаном под ударами десятков копыт. Французов было сотни полторы, они рассыпались по двору, несколько человек отдирали доски, которыми были заколочены двери барского дома. Игнат вышел к ним сам.

С ним заговорил поляк, состоявший при командире: им нужна провизия, сено, овес, подводы; они заплатят (он показал пачку бумажных денег). Игнат отвечал ему, что здесь господская усадьба, все запасы барыня забрала с собой, ничего нет.

– А гдзе хлопы? – спросил поляк.

Игнат пожал плечами. Он помимо воли следил глазами за двумя французами, обходящими вокруг повалуши. Эх, на пороге кровь осталась, еще увидят... Громко заржала лошадь, запертая им в конюшне; один из коней ей откликнулся. Командир отдал какое-то приказание и что-то сказал поляку, тот снова обратился к Игнату:

– Гдзе двух французски жолнежи, кторы были тутай?

– Не видал, – отвечал мужик, глядя себе под ноги.

Солдат вел под уздцы лошадь, тараторя на ходу; командир вытащил пистолет и наставил на Игната.

– Ничего я не знаю, – мрачно повторил тот, не поднимая головы. – Не видал.

Командир выкрикнул отрывистую команду; двое солдат схватили Игната под руки и потащили к повалуше. Выстрел прокатился эхом по парку; невидимый голос прокричал:

– Rendez-vous! Vous êtes cernés!⁹

Французы заметались, бросились к своим лошадям, но на них уже со всех сторон с гиканьем летели казаки. Страхнув с себя чужие руки, Игнат сбил одного солдата с ног сильным ударом кулака, а другого прижал к стене, придавив локтем горло.

– Je me rends, je me rends!¹⁰ – сипел тот.

Через несколько минут всё было кончено; уцелевшие французы сбились в кучку в центре кольца из казаков. К Игнату подъехал всадник в синем кафтане, казацкой шапке и с Георгиевским крестом на груди.

– Ты настоящий богатырь! – воскликнул он. – Я был бы рад видеть тебя среди мстителей за поруганное Отечество, смывающих пятно позора вражьей кровью!

– А нашим кто защитой будет? – спросил Игнат. – Остались одни хворые, да бабы, да старики, да вон, – он мотнул головой в сторону гордого паренька, вовремя приведшего подмогу.

Крестьяне прятались в лесу в наскоро выкопанных землянках. Пищали младенцы, мычали коровы, которых пора было доить, дымили костры, разведенные под котлами. Бабы испуганно прижимали к себе детей и крестились, глядя на французов, которых гнали казаки, а те не сводили глаз с котлов.

– Клеб! – не выдержал один. – S'il vous plaît, madame! S'il vous plaît!¹¹

Он тыкал пальцем себе в открытый рот, показывая, что голоден. Пошущукавшись с бабами, один из крестьян с опаской приблизился к пленным, сидевшим прямо на земле, подал им котелок с вареной картошкой, поверх которой лежал кусок говядины, и завернутый в тряпицу каравай. Всё это было уничтожено почти мгновенно; мужику вернули котелок с изъявлениями благодарности, на которые он, осмелев, отвечал: «Ешьте-ешьте, на здоровье».

Захватив с собой мешок картошки и увязанное охапками сено, казаки собрались уезжать.

– Эй, а с этими что делать? – встревожился Игнат.

Георгиевский кавалер сажился на коня.

– Пленных мы оставляем вам, – объявил он громко. – Накормите и напоите их хорошенько. – И добавил шепотом, свесившись с седла к Игнату: – А когда уснут, уважьте их по-свойски. Сабли их сложены вон в том шалаше.

* * *

Гвардия разместилась удобнее всего – в Кремле и по монастырям: в Донском, Даниловом. Офицеры жили в кельях, солдаты пользовались запасами крупитчатой муки, вина и свежей, монахов употребляли в работы; в Новодевичьем и Страстном монахини ухаживали за ранеными и больными, превратив трапезную в госпиталь, – лишь бы в церкви ничего не трогали и позволяли служить обедню (кстати, тоже развлечение). Офицеры итальянского корпуса Евгения де Богарне, пасынка императора, заняли флигели и павильоны Петровского Путевого дворца, генералы разбрелись по летним дачам, рядовые же оставались в чистом поле. Пианино и канапе, вывезенные из московских особняков, были сложены в огромную пирамиду – их сжигали на кострах вместо дров. (Ах, как их не хватало в Москве!) Сваренную в котлах кашу

⁹ Сдавайтесь! Вы окружены! (франц.)

¹⁰ Я сдаюсь, я сдаюсь! (франц.)

¹¹ Пожалуйста, сударыня! Пожалуйста! (франц.)

солдаты ели с серебряной посуды, а вино пили из драгоценных кубков. Белый хлеб и мясо мародеры продавали втридорога, оставалось есть соленья и сласти – их было заготовлено вдоволь.

Объезжая биваки, Анри Бейль перестал удивляться чему бы то ни было. В Воронове, которое граф Ростопчин сжег своими руками со всем добром, офицеры ставили палатки на пепелище или ютились в крестьянских избах, зато для солдат маркитантки устроили кофейню, где ароматный густой напиток разливали из серебряных кофейников по чашкам из тончайшего фарфора, а трубки курили на дорогом диване. Здесь Анри подобрал слегка обгоревшую тетрадь с рукописным трактатом на французском языке – рассуждение о существовании Бога. По вечерам генерал Кольбер со своими адъютантами давали любительские концерты, исполняя песенки из водевилей.

Под Можайском Бейль попал на другой концерт: сухонький продрогший старичок услаждал слух солдат звуками арфы. Анри спросил его, не знал ли он Мелани Гильбер? Актрису? Мадемуазель Сент-Альб? И уже готов был ехать дальше, как вдруг старичок встрепенулся: мадам Баркофф? Голубые глаза, светлые локоны, зеленая шляпка с длинными полями, скрывающая лицо? О, здесь господин офицер ее не найдет, увы. За несколько дней до прихода императора (да продлит Господь его дни!) она уехала в Петербург, рассорившись с мужем.

Анри забрал арфиста с собой, пообещав ему место в театральном оркестре и паек. Солдаты были недовольны, но Огюст Фесель с радостью отправился на «гастроли» (им предстояло объехать еще пару лагерей перед возвращением) и угождал своему благодетелю рассказами о Мелани.

Да, она вышла замуж за русского. Он маленького роста, нехорош собой, с женою казался нежен, но страшно ревнив... Его мать была против его брака с актрисой, да еще француженкой; она аристократка, ведет свой род от древнего русского князя. В Москве у господина Баркова был дом в Хамовниках, и в Петербурге тоже дом, еще имения – кажется, в Калужской губернии, но, похоже, у него вышли какие-то неприятности с правосудием из-за долгов... Во всяком случае, он не выплатил своей жене обещанных денег, и она с ним рассталась. О да, рассталась, это совершенно точно! Она уехала в Петербург, намереваясь оттуда вернуться во Францию, хотя вряд ли сейчас это возможно. И вот еще что: она была в интересном положении.

Польский поручик из 5-го конно-егерского полка показывал Бейлю лошадей – живые скелеты с гноящимися спинами. Он возбужденно лопотал на дурном французском языке, тыча под нос аудитору многократно сложенные одеяла-попоны, сплошь пропитанные гноем, – разве можно мучить таких коней верховой ездой? Анри кивал и обещал доложить начальству, но мысли его носились далеко от лошадей. Мелани беременна, в чужой стране и без денег. Лет десять назад она побывала замужем за одним пруссаком – Карлом Юстасом Грюнером; их брак продлился несколько недель, но он согласился выплачивать ей пенсию до нового замужества. Этот Грюнер какое-то время был начальником Высшей прусской полиции; когда Фридрих-Вильгельм III заключил союз с Наполеоном, Грюнер бежал из Берлина – он поставлял важные сведения русским, ему грозил расстрел. Надо полагать, Мелани он уже ничего не посылал, вот она и вышла за первого встречного, чтобы обеспечить себя материально. Хотя, конечно, богатый русский аристократ – не первый встречный... Во всяком случае, она вновь просчиталась: под яркой оберткой оказалась пустышка. И вот теперь она одна, бедна, нездорова, подвергается опасности...

Кавалерия Неаполитанского короля и корпус князя Понятовского квартировали у Винково, напротив Тарутино. Здесь тоже бедствовали: спали на соломе под зарядными ящиками и лафетами, а то и просто под звездами, мерзли по ночам от заморозков, голодали: каждый день отряды фуражиров бесследно исчезали в лесах. Только один раз стадо овец забрело на ничейную полосу меж двух лагерей – скот поделили пополам, договорившись с русскими.

Вюртембержцы варили рожь, ячмень и гречиху, пока зерна не разбухнут, потом очищали их от шелухи и ели получившуюся кашу. Пытались они и молоть рожь вручную, растирая зерна каменными жерновами, но эта работа была не для слабых рук; даже часто сменяя друг друга, хорошей муки получить было нельзя, из раздавленных зерен кое-как выпекали плотный, тяжелый хлеб. Вместо давно забытого масла в похлебку стругали сальные свечи, вместо соли пытались употреблять порох; уголь и сера всплывали черными пятнами на поверхности кипящей воды, их осторожно снимали ложкой, но растворившаяся в вареве селитра придавала ему острый, едкий, неприятный вкус. После такой пищи постоянно хотелось пить и ощущались неприятные позывы в животе, так что понемногу приучились обходиться совсем без соли. Зато немцы каким-то чудом сумели сохранить стадо скота, собранное еще за Неманом. Конечно, за долгий путь по летней жаре и без пастбищ коровы и овцы превратились в ходячие скелеты и больше напоминали драных кошек, но и эти мослы были гораздо вкуснее, чем мясо павших лошадей, которое поедали французы и поляки, а говяжий бульон немцы пили, как чай или кофе. Однако спали они на голой земле, тогда как домовитые поляки соорудили себе землянки, крытые хворостом и дранкой, и разводили в них огонь, выпуская дым через особую дыру.

Анри Бейль возвращался в Москву, мысленно составляя отчет для генерал-интенданта. Доходят ли все эти жалобы до императора? А может быть, Мелани всё же удалось выбраться проселками, и она теперь на пути в Париж?..

* * *

В большом зале было темно; хрустальные подвески огромной люстры вспыхивали быстро гаснувшими искорками, отражая язычки свечей из канделябра на столе. Император казался осунувшимся и нездоровым, под его глазами залегли густые тени. Кратко обрисовав сложившуюся ситуацию, которая была известна генералам и так, он изложил свой план: сжечь то, что осталось от Москвы, и выступить через Тверь на Санкт-Петербург, отправив маршалу Макдональду под Ригу приказ направляться туда же.

Наступила тишина, нарушаемая лишь тихим поскрипыванием сапожной кожи, когда кто-нибудь переступал с ноги на ногу.

– Мы покроем себя славой на глазах у всего мира, завоевав в три месяца две величайшие северные столицы!

– Он хочет погубить нас всех до единого!

Фраза, произнесенная шепотом одновременно с восклицанием Наполеона, всё же перекрыла хриплый голос императора. Тот резко обернулся, переводя свои близорукие глаза с одного размытого пятна на другое и пытаясь определить, кому принадлежал шепот. Коленкур решил:

– Сир, если вашему величеству было угодно собрать нас здесь в этот час, чтобы выслушать наше мнение, я позволю себе заметить, что начинать новую кампанию накануне зимы с уставшей, голодной армией и с неприятелем в тылу было бы крайне неосторожно...

– Что вы меня пугаете вашей зимой? – Наполеон сделал сердитый жест рукой. – В Фонтенбло в эту пору бывает холоднее, чем здесь! В Польскую кампанию нас не испугали ни снег, ни слякоть; мы разбили русских и сделаем это снова!

Наткнувшись опять на стену из молчания, он усталым голосом велел всем удалиться.

Через несколько часов император вызвал к себе одного Коленкура. Стоя лицом к окну, со сцепленными за спиной руками, он ровным тоном просил бывшего посланника в России отправиться к царю и обсудить с ним условия, на которых тот согласится заключить мир. Арман слышал стук своего сердца. Понимая, что окончательно губит себя, обер-штальмейстер всё же возразил, что это бесполезно: император Александр не желает говорить о мире, две предыду-

щие попытки не удались, третья лишь даст русским понять, что французы находятся в затруднительном положении, и поощрит их выставить свои условия.

– Хорошо, – отрывисто сказал Наполеон, не оборачиваясь, – я пошлю Лористона.

* * *

Нет, нет и нет! Бенкендорф не станет исполнять роль палача и не позволит честному генералу Винцингероде обогреть свои руки в крови невинных. Какая подлость! Гнусность! Покинуть свою живую собственность вместе с недвижимостью, спасаясь от опасности, а теперь обвинять ее в измене!

Отряд Винцингероде разросся до «обсервационного корпуса», наблюдавшего за движениями французов в Тверской губернии; Волоколамский уезд барон доверил Бенкендорфу. Саша прекрасно помнил, как вел туда отряд в середине сентября, готовясь вступить в сражение с неприятельской колонной, однако увеличившиеся от страха глаза разведчиков приняли за колонну сотню фуражиров. Добравшись до Волоколамска, отряд полковника Бенкендорфа уже не застал в живых ни одного француза: одних местные жители сожгли вместе с домами, других перебили, застигнув врасплох. Служанка городского казначея, прятавшаяся в чулане, зарезала кухонным ножом двух солдат, покушавшихся на ее честь: сначала одного, потом второго. Но поскольку город был «удержан», Бенкендорфа вскорости произвели в генерал-майоры. Слухи о его подвигах дошли до Петербурга; он в самом деле действовал быстро, смело и удачно, получая от крестьян сведения о неприятеле, нападая на обозы и фуражиров. Его лагерь напоминал теперь нечто среднее между цыганским табором и воровским притоном; там можно было встретить людей самых разных национальностей, мужчин и женщин, вооруженных чем попало, в мундирах и киверах всех родов войск и самых разных армий или в крестьянских армяках; мужики охотно рядились в одежду, отнятую у пленных. Участь последних была незавидна; порой целый отряд сдавался одному-единственному казаку, чтобы не попасть в руки крестьян и не сделаться жертвой их жестокости, хотя и казаки не отличались человеколюбием и даже продавали французов мужикам на потеху. Бенкендорф сам не раз был свидетелем сцен, от которых шевелились волосы на голове: мужики крестили «басурман» кипящей смолой, насаживали на железные прутья, калечили, а то и сжигали живьем. Самым ужасным было то, что, не осуждая подобных поступков, он как будто одобрял и даже поощрял их. Что греха таить: Саша боялся, что ярость людей, оставшихся без крыши над головой, но с голодными детьми на руках, обрушится на него самого. Где была армия до сих пор? Кто допустил французов до Москвы? Кто не мешал им осквернять церкви и грабить села? Так какое же право офицеры имели теперь указывать мужикам, как им следует поступать с неприятелем?

Крестьяне, несшие аванпостную службу, забирали себе отбитый у французов скот, повозки, оружие и плохих лошадей, которыми гнушались казаки. Ценность вещей в партизанском лагере была совсем иной, чем в городах. Какие-то темные личности свозили туда из Москвы новые экипажи, наполненные всякой всячиной – от драгоценностей, шалей и кружев до бакалейных товаров и сбрауи, – чтобы сменять эти вещи на хлеб, муку, говядину и картофель; золота и серебра было столько, что курс бумажных ассигнаций вырос втрое: не имея возможности таскать с собой звонкую тяжесть, казаки набивали седельные подушки бумажками. Немецкие музыканты барона Фитингофа, выписанные им перед войной из Риги за большие деньги и брошенные в Москве незадолго до пожара, теперь играли за кушанье, услаждая своим искусством обеды на биваках.

Среди крестьян, наводнивших лагерь, встречались и выраженные в бархатные фракы или старинные расшитые камзолы – явно из господских сундуков. Бенкендорфу не пришло бы в голову упрекать их за это: в конце концов, их барин ни за что не надел бы кафтан, вышедший из моды тридцать лет назад, а мужику он был нужен не для балов, а чтобы прикрыть наготу

и защититься от холода. И вот теперь Саша получил приказ подавить крестьянский «бунт», изыскать зачинщиков и повесить их в страх другим! Кто-то донес в Комитет министров, что в Волоколамском уезде крестьяне вышли из повиновения, говорили о себе, что «они теперь бонапартовы», разграбили имение Алябьева, забрав себе хлеб, скот и лошадей, в деревне Петраковой убили кого-то из пистолета, а хлеб и вино отдали местному попу, который к тому же свел с господского двора последнюю лошадь. Какая низкая клевета! Назвать мятежниками людей, которые ежедневно подвергают свою жизнь опасности, защищая свои церкви, жилища, своих жен и детей, самую независимость свою! Бенкендорф сам дал им в руки оружие и не намерен отбирать его, а тем более казнить их. Сами клеветники и есть изменники! Наверняка это какие-нибудь приказчики покрывают свое воровство, подводя под страшное обвинение крестьян. Никто из этих наглых трусов даже не пытался возглавить их и повести против неприятеля!

Сев за стол, Бенкендорф излил свое возмущение в донесении барону Винцингероде на французском языке. Пусть перешлет это в Петербург, чтобы там узнали из первых уст, как обстоят дела на самом деле. А за свои слова он отвечает головой.

* * *

Храбрый рыцарь с любимой прощался,
Отправляясь в далекий поход.
На востоке рассвет занимался,
Предвещая кровавый исход.

Стоя на авансцене, Луиза Фюзиль пела, обратившись лицом к залу, но взгляд ее был скошен в сторону ложи, где находился император. Сегодня он впервые пришел в театр, все актеры страшно волновались, и Луиза не была исключением.

Ты мне сердце свое подарила
И мое получила взамен,
Этот меч в мои руки вложила —
Испытаньем для юных рамен.

Император разговаривал с князем Невшательским. Когда вступала арфа, на которой Луизе аккомпанировал Огюст Фесель, хрипловатый голос Наполеона был слышен довольно отчетливо.

Где б я ни был, я мыслью с тобою,
Так позволь же свершиться судьбе:
Славу вырвать у вечности с бою
и с победой вернуться к тебе.

Обычно последние ноты тонули в громе рукоплесканий, но сегодня романс завершился в полнейшей тишине. Император даже не смотрел на сцену — аплодировать никто не смел. Луиза стояла, не зная, куда девать свои руки; ей стало жарко. Поклониться и уйти? Она уже собиралась так и сделать, как вдруг Наполеон заметил, что все молчат, — что случилось? Ему объяснили. Через пару минут на сцену выбрался толстяк Боссе — дворцовый префект: император просит мадемуазель исполнить романс на «бис», специально для него. Луиза повернулась к ложе и присела в реверансе; Фесель снова сыграл вступление. «Храбрый рыцарь с любимой

прощался», – запела Луиза слегка дрожавшим голосом. Не слишком сильный, он был довольно приятного тембра, и великий Тарквинио, узнав, что она в Москве, даже предложил ей спеть с ним дуэтом в Кремле, но Луиза отказалась: ей? Петть перед таким знатоком оперы, как император? Нет, ни за что! И вот теперь он в театре, а у нее сбилось дыхание, и она никак не может его восстановить... Старик Фесель кивнул ей и после второго куплета начал длинную вариацию. Луиза благодарно улыбнулась ему. «Где б я ни был, я мыслью с тобою», – пела она уже гораздо увереннее, глядя прямо на императора и прижав обе руки к сердцу. Когда она закончила, он несколько раз хлопнул в ладоши. Зал взорвался аплодисментами.

5

Тарутинский лагерь был взбудоражен. Несмотря на дождь, моросивший с самого утра, солдатам приказали разжечь как можно больше костров и варить в котлах кашу с мясом, да понаваристее, чтоб запах этак, знаете, сам в ноздри лез. Полковой музыке велели играть, песельникам – петь. Кутузов появился на пороге своей избы не в привычном сюртуке, а в полном мундире, при всех звездах и орденах.

– Господа, – объявил он собравшимся офицерам, – я прошу вас с французскими офицерами, которые приедут с Лористонем, не говорить ни о чём другом, кроме как о погоде.

Адъютант Наполеона прибыл в десять часов утра – тоже при всём параде. Выслав всех из избы, Кутузов остался с ним наедине. С неба продолжал сыпаться мелкий дождь, предоставив офицерам в бурках и плащах превосходную тему для разговора.

«Il me faut la paix, il me la faut absolument, coûte que coûte, mais sauvez l'honneur»¹². Это напутствие императора звучало в ушах генерала Лористона, когда он вручал русскому фельд-маршалу письмо от него. Кутузов пробежал его здоровым глазом, слегка наклонив голову.

«Князь Кутузов! Посылаю к Вам одного из моих генерал-адъютантов для переговоров о многих важных делах. Хочу, чтобы Ваша Светлость поверили тому, что он Вам скажет, особенно когда он выразит Вам чувства уважения и особого внимания, которые я с давних пор питаю к Вам. Не имея сказать ничего другого этим письмом, молю Всевышнего, чтоб он хранил Вас, князь Кутузов, под своим священным и благим покровом. Наполеон».

После обычных вступительных любезностей недавний французский посланник в России заговорил о дружбе между двумя императорами, которая разорвалась несчастливым образом по посторонним обстоятельствам, – вот удобный случай восстановить ее.

– Неужели эта необычная, неслыханная война должна длиться вечно? Император, мой повелитель, искренне желает завершить этот спор между двумя великими и великодушными нациями и покончить с ним навсегда. С самого начала кампании и русские, и французы показали себя беспримерными храбрецами и понесли тяжелые потери, так не пора ли завершить войну?

– Завершить войну? – Кутузов удивленно вскинул брови. – Так она еще и не начиналась.

Помолчав некоторое время под ошеломленным взглядом француза, он добавил:

– Меня потомки проклянут, если я сделаю первый шаг к замирению. Таково нынче настроение моего народа.

«Мир любой ценой...»

– Вы, верно, думаете, что император Наполеон желает мира с императором Александром вследствие несчастных событий в Испании или заявленного англичанами проекта о высадке на западных берегах Франции? – горячо заговорил Лористон. – Вовсе нет! Мы войдем в Мадрид, когда захотим, и англичане не посмеют высадиться на французскую землю! Иначе все французы восстанут, как один человек, и океан станет англичанам могилой.

«Эге! – мысленно усмехнулся Кутузов. – Если Бонапарт присылает ко мне таких дипломатов, то и беспокоиться не о чем». Он сделал вид, будто размышляет вслух:

– Конечно, отбить Мадрид будет непросто, раз уж королю Иосифу пришлось его покинуть... Да и новая высадка на Валхерен заставит удерживать поблизости два корпуса в Голландии...

– Откуда вы знаете эти подробности? – изумился Лористон.

Кутузов впери в него здоровый глаз.

– Да от вас же, генерал, – сказал он просто. – Прежде я их не знал.

¹² Мне нужен мир, непременно, любой ценой, но сохраните честь (франц.).

Гладко выбритые щеки Лористона слегка порозовели, он проклинал себя за несдержанность.

– Насчет мира я не имею никакого наставления от государя; при отправлении меня к армии слово «мир» ни разу не было упомянуто, – продолжал Кутузов.

– В таком случае, – встрепенулся парламентар, – прошу вашу светлость выдать мне пропуск, чтобы я мог отправиться в Петербург и вручить императору Александру собственноручное послание императора Наполеона, а в ожидании ответа заключить перемирие.

Фельдмаршал вновь сделал паузу, глядя на него испытующе. Потом сказал, что и перемирие заключать он не уполномочен, однако государь, разумеется, получит его донесение о желании императора Наполеона. Лористон достал запечатанное письмо, адресованное царю. Раз ему самому невозможно выехать в столицу, он желал бы, чтобы это письмо доставили как можно скорее. Назначьте курьера, он получит пропуск через французские линии.

– Благодарю вас, генерал, русские достаточно хорошо знают свою страну, чтобы найти дорогу в Петербург. – Кутузов подошел к окну, по которому длинными струйками стекал дождь. – Экая гнусная погода! Жалко курьера гонять.

Раз князь Кутузов настолько человеколюбив, он согласится на размен пленных? Фельдмаршал ответил, что и на этот счет указаний не имеет. Тогда Лористон заговорил о «неправильности» войны в России: жители нападают на французских солдат, когда те ходят поодиночке или по двое, поджигают свои собственные дома и собранный с полей хлеб – что это за варварство? Необходимо унять такие неслыханные поступки!

– Варварство, – вздохнул Кутузов. – А что я могу сделать? Желают прославиться: вот, мол, я каков, ничего для Отечества не пожалею! У самого два дома в Москве, да имений несколько в разных губерниях, одно сожжет – и не заметит, а иные остаются наги, как черви, и с голоду мрут... – Он словно опомнился и заговорил совсем другим тоном: – Что же касается вверенной мне армии, то я надеюсь, генерал, вы признаете, что мы воюем по правилам, как подобает храброй и честной нации.

С этим Лористон согласился совершенно.

Кутузов вышел проводить его на крыльцо. Генерал-адъютанту подали карету, запряженную четверкой белых лошадей; здесь же дожидался эскорт, который должен был проводить его до французских аванпостов. Посмотрев ему вслед, фельдмаршал обратился к терпеливо ожидавшим офицерам.

– Что ж, господа, Буонапарте мира запросил. Только я сказал его послу, что государь и сам о том слышать не желает, и мне говорить запретил. Вам всем известно, что, пока хоть один вражеский солдат остается на Русской земле, его императорское величество и переговоров о мире начинать не велел. – Офицеры зашумели, выражая свое согласие. – Жаловался еще генерал на то, что мужички наши их фуражиров встречают дубинами да вилами, – мол, варварство это. На что я ему отвечал, что ежели бы я и желал переменить образ мыслей в народе, то не преуспел бы, поскольку они войну сию почитают как бы за нашествие татар. Народ ожесточен тем, что он видел, его не остановить. На нашей земле двести лет не было войны, народ готов жертвовать собою ради Отечества и не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных.

Эти слова тоже были встречены одобрительным шумом. Кутузов махнул рукой своему зятю Кудашеву:

– Зайди! Донесение государю писать будем.

* * *

«Москва, 6 октября 1812 г.

Князю Невшательскому и Ваграмскому, начальнику главного штаба Великой армии.

Кузен, сообщите маршалу Виктору, что я еще не отдавал приказаний насчет его движения, поскольку это зависит от движения неприятеля. Русская Молдавская армия, состоящая из трех дивизий, или из 20 000 человек, включая пехоту, кавалерию и артиллерию, перешла Днепр в первых числах сентября; она может направиться к Москве для усиления армии под командованием генерала Кутузова или на Волынь для усиления армии Тормасова; армия генерала Кутузова, разбитая в сражении при Москве-реке, ныне у Калуги, что наводит на мысль о том, что она ожидает подкреплений из Молдавии по Киевской дороге; исходя из этого предположения, маршал Виктор получит приказ идти на соединение с Великой армией либо по дороге через Ельню на Калугу, либо по другой; если же, напротив, 20 000 человек из Молдавии пойдут на помощь к Тормасову, войска Тормасова увеличатся до 40 000 человек, но наш правый фланг под командованием князя Шварценберга будет равен ему по силе, поскольку у князя около 40 000 человек – австрийцев, поляков и саксонцев; кроме того, я просил австрийского императора, чтобы корпус под командованием австрийского генерала Рёйса в Лемберге начал движение, и князь Шварценберг получил бы подкрепление в 10 000 человек; с другой стороны, неприятель укрепляет, как может, гарнизон в Риге и корпус Витгенштейна, чтобы выбить маршала Сен-Сира из Полоцка, а маршала Макдональда – из Риги и Динабурга; из писем князя Шварценберга от 24-го числа можно заключить, что Молдавская армия, вместо того чтобы идти к Москве, пошла к армии Тормасова; посему необходимо знать, что произойдет. При таком положении дел я желаю, чтобы маршал Виктор расположил свой корпус между Смоленском и Оршей, поддерживал переписку через курьеров с герцогом Бассано, чтобы сей министр сообщал ему все известия из различных мест, направил рассудительного, скромного и умного офицера к генералу Шварценбергу (сообщить ему, что происходит) и генералу Ренье (известить его об истинном положении дел); пусть установит регулярную переписку с минским губернатором и, наконец, направит агентов в разных направлениях, чтобы знать, что происходит. Таким образом, маршал Виктор сформирует основной резерв, чтобы прийти на помощь либо князю Шварценбергу и прикрыть Минск, либо маршалу Сен-Сиру и прикрыть Вильну, либо, наконец, в Москву для усиления Великой армии. Пусть генерал Домбровский с пехотной дивизией в 8000 человек и 1200 польских конников поступит под его командование, что увеличит его армейский корпус до четырех дивизий. Резервная бригада в Вильне, состоящая из 4-го вестфальского полка, двух батальонов из Гессен-Дармштадта, которые должны прибыть из шведской Померании к концу этого месяца, и восьми орудий, тоже перейдет под его командование. Наконец, в течение ноября составятся две новые дивизии: одна в Варшаве (32-я), к которой примкнут три батальона из Вюрцбурга, вторая в Кёнигсберге (34-я), которая была в Померании под командованием генерала Морана, а теперь, также усиленная несколькими батальонами, перейдет под начало генерала Луазона. Обладая общим командованием над всей Литвой, Смоленском и Витебском, маршал Виктор должен повсюду контролировать администрацию и принимать действенные меры для реквизиции хлеба и фуража, устройства печей в Могилеве, Орше, Россасне и Дубровне; пусть делают много сухарей, и чтобы его корпус имел при себе запас провианта на тридцать дней, не забирая ничего ни у военных транспортов, ни у армейских обозов. Если вдруг коммуникация с Москвой будет перерезана, он должен послать кавалерию и пехоту, чтобы восстановить ее. Его главная квартира должна находиться в Смоленске.

Наполеон».

* * *

Весь Минеральный кабинет уместился в пяти ящиках, весивших семьдесят пудов; «восковая персونا» великого Петра, чучела его лошадей и собак, токарные станки, костюмы китайские, японские и прочие заняли тридцать два ящика и тянули на сто двадцать пудов; коллекцию

монет и медалей, собственноручные письма Петра I и переписку академиков с иностранными учеными, рукописи великого Эйлера и протоколы Академии наук рассовали по двадцати семи ящикам общим весом в двести пудов. Заспиртованных уродцев и чучела из Кунсткамеры решили оставить в Петербурге: Академия и так уже немало потратилась на упаковочные материалы и веревки, а также на снаряжение чиновников, отправленных сопровождать ценный груз. Путешествие, впрочем, продлилось меньше двух недель: добравшись до Лодейного поля, два дашкоута и яхта застряли во льду, которым успела покрыться Свирь, и остались зимовать в деревне Капустина Гора. Караван Академии художеств (двести тринадцать ящиков с формами античных фигур, тридцать девять – с моделями античной архитектуры, мраморная статуя Екатерины II и бронзовая – Анны Иоанновны с арапчонком) забрался дальше на две версты – в урочище Гак-Ручей. До Петрозаводска доехали только те воспитанники, которые оказали отличные успехи в архитектуре и живописи, ландшафтной и портретной; сорок восемь человек исключили «за дурное поведение» ради сокращения расходов. Вывоз вещей Министерства финансов и вовсе казался задачей невыполнимой: одних ассигнаций в сундуках набралось на семьсот пудов, а медной монеты – без малого двадцать восемь тысяч пудов, да еще машины, инструменты и припасы с Монетного двора, документы, чертежи и планы... Между тем монахи из Тихвинского монастыря, облачившись в ризы, втаскивали в алтарь через Царские врата восемнадцать сундуков с сокровищами министра внутренних дел Козодавлева, присланными им на сбережение, – в слишком узкие северные двери сундуки не прошли. Министр полиции Балашов каждый день получал донесения от агентов о том, что граф Румянцев, князь Голицын, Головины пакуют сундуки, намереваясь бежать из столицы: не все горели желанием, как государь, «погрести себя под развалинами Империи, нежели мириться с Аттилой новейших времен».

В это же время шесть повозок шустро продвигались на почтовых из Нижнего Новгорода к Санкт-Петербургу: поручик Штос и доктор Шеффер везли в Ораниенбаум мастеровых и сохранившиеся части воздушного шара, который Франц Леппих клятвенно обещал всё же построить и направить против неприятеля. На возобновление этих опытов уже было отпущено из казны пять тысяч рублей. Теперь Леппиху потребовалось еще купоросное масло – двести пудов и столько же пудов листового железа. Граф Аракчеев навел справки и доложил государю, что купоросное масло в запрошенном количестве имелось у купца Таля, по пятьдесят рублей за пуд; вместе с железом выходило 11 800 рублей. Государь повелел министру финансов отпустить нужные деньги.

* * *

Втулки отлетали одна за другой, вино било из бочек упругими струями, насыщая воздух острым пьянящим запахом. Казаки, поначалу жалевшие добро, раззадорились от удовольствия крушить всё подряд, но и Волконский рубил саблей по штофам с наслаждением, с восторгом. Гэканье, звон, плеск – они бродили в темном подвале по колено в вине, пока ни одной целой бочки не осталось. Голова слегка кружилась, но это ничего – наверху он быстро отдышится. Серж был рад, что генерал Винцингероде дал это поручение именно ему: другой мог и слукать – разбить пару бочек и бутылей, а остальное вывезти. Нет ничего злее пьянства народного! Клины собирались оставить, отступая к Твери; истребить винный погреб – единственный способ избежать того, чтобы арьергард попал в руки неприятеля мертвецки пьяным, а не уехавших из города обывателей прежде врага обидели свои же.

Другое задание от генерала было куда менее увлекательным: казаки перехватили нескольких французских курьеров с почтой, и новоиспеченный полковник должен был разобрать все письма, сделав выписки из самых важных. Душа протестовала: читать чужие письма – работа шпионов и полицейских агентов! С другой стороны, там в самом деле могут встретиться важ-

ные сведения о замыслах французского командования и настроениях в войсках; судьба армий, да и целых государств порой зависит от мелочей, так что пренебрегать ими никак нельзя. Вздыхнув, князь положил перед собой перевязанную бечевкой пачку.

«Довольно говорить о войне; я хочу сказать вам, моя дорогая Лора, что с каждым днем люблю вас всё больше, что мне всё до смерти надоело, что ничего я так не желаю, как увидеть вас снова, что торчу в самой никудышной стране на свете и что, если я не увижу вас в скором времени, то умру от тоски, а если мы останемся здесь дольше – умру от голода». Если бы это не было письмом генерала Жюно, Серж бросил бы читать на середине: зачем ему чужие любовные послания, однако фраза про голод показалась ему важной. А вот послание к жене генерала Компана: «Милая, мне наконец-то удалось раздобыть для тебя кое-что из мехов... два палантина из лисьих шкурок (черные и рыжие вперемежку). Воротник из песка, воротник из чернобурки, собольи шкурки на отделку, муфта из кусочков чернобурки и шелка, которую можно использовать как пелерину... Всё это, моя дражайшая Луиза, будет упаковано в сундук и при первой же благоприятной возможности доставлено тебе». И это пишет генерал! Что же тогда говорить о его подчиненных! Волконский с большой неохотой распечатал следующее письмо, от некоего капитана Бонифаса де Кастеллана, – только ради пометки «адъютант генерала де Нарбонна». О, это уже кое-что: «Мы ожидаем скорого выступления. Поговаривают о походе в Индию. Мы настолько полны уверенности, что даже не рассуждаем относительно шансов на успех такого предприятия, а лишь думаем о многомесячном марше и о времени, потребном на доставку писем из Франции. Для нас привычны непогрешимость императора и успех его замыслов». Должно быть, этот капитан еще совсем молод. Ну точно: дальше идут его мечты о наложницах из султанского сераля. Похоже, что больше и читать не стоит. Ну, вот это будет последнее письмо, которое он вскрыет. Какой-то полковник... «После договора о союзе с Александром, какой он хочет не хочет, а подпишет, как все, мы в следующем году пойдем на Константинополь, а оттуда в Индию. Великая армия вернется во Францию не иначе как нагруженная алмазами из Голконды и тканями из Кашмира!»

С ума они там все посходили? Волконский собрал в пачку оставшиеся письма: он отошлет их в Петербург, пусть их там разбирают агенты Санглена. Запечатанный зеленым воском листок выпал на пол прямо к его ногам, словно прося обратить на него внимание. Серж повертел его в руках, не зная, как поступить. Анри Бейль из интендантства. Интендантство... Ладно, это будет самое последнее письмо.

Бейль писал к помощнику парижского нотариуса, прося навести справки о некоей «мадам де Баркофф», она же Мелани Гильбер, она же Луазон – супруге русского генерала. Она выехала в Петербург незадолго до вступления французов в Москву, намереваясь, как видно, пробыть в Париж, хотя денег у нее в обрез, и к тому же она беременна. «Как она поступит со своим мужем, и что случилось с этим мужем посреди всей этой неразберихи? Вероятно, Вы узнаете об этом раньше меня. Не будете ли Вы так добры, если Вам станет что-либо известно, сообщить об этом мне? Если она приедет в Париж, то может занять мою квартиру: улица Нёв-дю-Люксембург, номер три. Я буду крайне рад. Не будете ли Вы так добры, чтобы сказать ей об этом и устроить ее?.. Простите за эти каракули, я пишу Вам среди ночи, в страшной спешке, диктуя пяти-шести человекам...»

Отбросив письмо в сторону как совершенно пустое, Серж всё же не мог отделаться от чувства, будто упустил что-то важное. Он еще раз просмотрел листок, выискивая имена. Мелани Гильбер... Баркофф... Вот оно что! Это та самая «Меланья Петровна», на которой женился Николай Барков – сын Матрены Николаевны, урожденной княжны Волконской; тамап что-то говорила Сержу об этом мезальянсе... Кажется, она актриса... Не она ли играла в одних спектаклях с мадемуазель Жорж – любовницей Бенкендорфа? Саша разошелся с Жорж, «уступив» ее государю, как он сам говорил. Всех французских актрис считали шпионками Бонапарта, но Бенкендорф не верил в это, ведь он сам вывез Маргариту (то есть Жорж) из Франции под носом

у Фуше, по фальшивым документам... И всё же свитские офицеры передавали друг другу анекдот о том, что с началом войны мадемуазель Жорж объявила государю о своем желании вернуться в Париж: она должна быть со своей страной, со своим императором. Александр Павлович любезно предложил доставить ее туда с парадным эскортом из своих войск, на что она якобы ответила, что лучше подождет французские войска в Петербурге – так будет быстрее... Кто только выдумывает такие анекдоты? Но эта Мелани... В письме ошибка: Николай Барков не генерал, он служит по статской, это его брат Петр генерал-майор Владимирского драгунского полка. Он с прошлого года состоял под судом из-за долгов, то есть нуждался в деньгах... С какой стати чиновнику из интендантства так опекать бездарную актрису, интересуясь судьбой ее русского мужа? Ладно, Серж отложит и это письмо, а разбираются пусть другие.

* * *

«Князь Михаил Илларионович, из донесения Вашего, с князем Волконским полученного, известился я о бывшем свидании Вашем с французским генерал-адъютантом Лористонном. При самом отправлении Вашем к вверенным Вам армиям, из личных моих с Вами объяснений, известно Вам было твердое и настоятельное желание мое устраняться от всяких переговоров и клонящихся к миру сношений с неприятелем.

Ныне же, после сего происшествия, должен с такой же решимостью повторить Вам сие, дабы принятое мною правило было строго и непоколебимо Вами соблюдаемо во всей своей широте и самым строгим и непоколебимым образом.

К моему глубокому недовольству, мне стало также известно о встрече генерала Беннигсена с королем Неаполя, и сие без какой-либо основательной причины, побуждавшей к ее проведению.

После того как Вы дадите почувствовать ему всю неуместность сего поступка, я требую от Вас строгого и действенного контроля, дабы другие генералы не позволяли себе встреч с врагом и, более того, подобных свиданий, которых следует избегать с особой тщательностью.

Все сведения, от меня к Вам доходящие, и все предназначения мои в указах на имя Ваше изъясняемые, – одним словом, всё убеждает Вас в твердой моей решимости, что в настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное отечество.

Пребываю навсегда, и т. д.

Александр».

6

«Москва, 5 октября 1812 г.

Князю Невшательскому и Ваграмскому, начальнику Генерального штаба.

Кузен, записка генерал-интенданта кажется мне ошибочной; мне трудно поверить, что нужно целых сорок пять дней на эвакуацию раненых, находящихся в Можайске, в Колоцком монастыре и Гжатске; за эти сорок пять дней, если ничего не делать, часть выздоровеет, а часть умрет; опыт показывает, что через три месяца после сражения остается едва ли шестая часть всех раненых, так что от 6000 через три месяца вывозить придется только 1000. Пусть разделят тех, кто в Можайске, на два класса: те, кто смогут выздороветь через месяц и эвакуироваться сами, те, для кого хирурги не предвидят ничего хорошего: их можно также оставить в госпитале, поскольку перевозка только усугубит их состояние, наконец, те, кому требуется два-три месяца на выздоровление, а потому их можно эвакуировать без вреда, или ампутированные, не способные ходить, которых следует вывезти в Смоленск. Все повозки, присылаемые из Смоленска, надлежит употребить для эвакуации, равно как и все прочие повозки, какие удастся раздобыть.

Подводы для снабжения 1-го и 3-го корпусов отправятся завтра и послезавтра: они будут нагружены мукой, водкой, вином, медикаментами и посланы в Можайск и в монастырь. Генерал Орнано выделит для них конвой. Эвакуацию начать с офицеров.

Сообщите о моем неудовольствии распорядителю, который находится в Можайске, военным комиссарам и членам администрации, находящимся в монастыре, которые не сообщают о положении дел в своих госпиталях. Пошлите офицера, чтобы узнать точное число больных в Можайске, в монастыре и вплоть до Вязьмы, чтобы при любых обстоятельствах я знал, на какие жертвы придется пойти, если ход операций заставит бросить эти заведения.

Больных разделите на офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов.

8 октября.

Кузен, напишите вице-королю, князю Экмюльскому, герцогу Эльхингенскому, герцогу Тревизскому¹³, чтобы они обязательно приняли меры, каждый в своем округе, для запасаения мукой в количестве, достаточном на два месяца, и сухарями на месяц, так чтобы у них всегда имелись запасы по крайней мере на три месяца. Пусть эти командующие и их распорядители каждую неделю присылают рапорт о состоянии магазинов, сколько им удалось запасти зерна, муки, крупы и сухарей, сколько согнано скота. Они должны также запасти картофель на три месяца и квашеной капустой на полгода. Водку им будут поставлять с главного склада. Склады продовольствия будут помещаться: для 1-го корпуса – в монастыре, где стоит 13-й легкоконный полк, для 4-го – в тюрьме на дороге в Санкт-Петербург, для 3-го – в монастыре близ порохового склада, для герцога Тревизского, гвардейской кавалерии и артиллерии – в Кремле.

Нужно выбрать три укрепленных монастыря на Калужской, Тульской и Владимирской дорогах и превратить их в три укрепленных пункта, установив в каждом от одного до трех орудий. Организовать полк пешей кавалерии, чтобы охранял город во время отсутствия армии.
Наполеон».

¹³ Евгений де Богарне, маршал Даву, маршал Ней, маршал Мортье.

* * *

Подумав, капитан передвинул вперед пешку; Гриша «съел» ее офицером и объявил шах королю. Короля заслонил собой конь; Гриша довел свою пешку до края доски и превратил ее в королеву: шах и мат! Капитан воздел обе руки кверху, потом взял своего короля и положил на доску – *il faut savoir perdre!*

– *Le vrai moyen de gagner beaucoup est de ne vouloir jamais trop gagner et de savoir perdre à propos*¹⁴, – тотчас откликнулся лейтенант, у которого на любой случай была готова цитата.

Гриша спросил его, чьи это слова; оказалось, что это из фенелоновых «Приключений Телемака». Надо же, Гриша читал эту книгу, но не заметил тогда этой фразы... Хотя, возможно, в переводе Лубяновского она звучала не так изящно.

Капитан встал и потянулся. Ужин давно съеден; он никогда не бывал настолько сытным, чтобы вызвать сонливость. Читать? Нужно экономить свечи, они на исходе. Оставалось пить вино и разговаривать.

В какую бы сторону ни направляли разговор, он всегда сворачивал к одному и тому же: скоро зима, сегодня в воздухе уже мелькали первые снежинки, неужели мы останемся здесь? Лейтенант утверждал, что из Москвы надо уходить, оставаться на зиму среди развалин невыносимо. К чему ремонтировать Кремль, заготавливать запасы? Пустая трата сил. Пока они еще есть, нужно идти на юг, к Калуге, разбить русскую армию, стоящую на дороге, и зазимовать в Туле или в Брянске. Когда французская армия соберется в один кулак на выгодной позиции, пополнится 9-м корпусом, идущим из Смоленска, и рекрутами из Франции, Петербург захочет мира и сам попросит о нём.

Император лучше знает, что делать, возражал ему капитан. Лейтенант слишком молод и самонадеян, а капитан побывал во многих передрыгах, так что можете ему поверить: император всегда поступает именно так, как нужно. Только что неприятель готовился торжествовать победу – а в следующий миг он уже просит о пощаде. И с русскими будет то же, вот увидите. Лористон вернулся от Кутузова в царской карете, запряженной шестерней, – стали бы ему так угождать, если бы не мечтали о мире? Говорят, что родной брат императора Александра хочет скорее закончить войну, и его мать тоже, и многие министры; англичане специально подослали к Кутузову своего агента, чтобы помешать ему заключить перемирие, но если император ему прикажет, то англичане не в счет. Лейтенант не мог спокойно этого слушать, он вскакивал с места и начинал бурно жестикулировать, словно швыряя свои доводы руками: русские хотят мира? Зачем же они тогда сожгли добра на несколько миллиардов, пожертвовав большим красивым городом? А эти шайки крестьян, истребляющие фуражиров? Не надо мне рассказывать про мужиков, которые сами указывали места, где их хозяева спрятали свои ценности, и предупреждали французов о появлении казаков, это было давно. Да, месяц назад – это давно! Всё изменилось. И кстати, когда, еще в Смоленске, русские дворяне искали у нас защиты, опасаясь собственных слуг, почему же император не привлек русских крестьян на свою сторону, пообещав им свободу? Если бы они подняли восстание (о чём, кстати, он сам говорил в своих прокламациях), война давно бы уже закончилась, но император, который всегда поступает как надо, этого не сделал – почему? Почему?

Обладая более холодным темпераментом, капитан не распалялся от спора и уходил от него, чтобы не трепать попусту имя императора. Вместо новых возражений он обращался к Грише: что думает он, русский? Как долго еще продлится война? Гриша пожимал плечами.

¹⁴ Проигрывать надо уметь! – Верный способ выиграть много – никогда не желать выиграть всё и уметь проигрывать кстати (*франц.*).

Откуда ему знать? Последний месяц он жил как в тумане и уже ни в чём не был уверен, а менее всего – в самом себе.

Летние новости о войне с трудом просачивались сквозь стены пансиона, однако все воспитанники грезил о подвигах, мечтали сбежать в армию. Когда французы подошли совсем близко и граф Ростопчин открыл Арсенал, приглашая всех постоять за матушку Москву и защитить себя самим, Гриша с товарищами пошли туда, но было уже поздно: по мостовым цокали подковами французские кони, где-то стреляли, по улицам бежали люди... Они спрятались в подворотне первой попавшейся лавки в Китай-городе и видели, как толпа разъяренных мужиков набросилась на французских кавалеристов, стянув их с лошадей; один, пьяный, впился зубами в щеку офицера. Мужиков рубили саблями, небольшая пушка дала выстрел картечью, несколько пуль просвистели мимо Гриши. Куда девалась вся его отвага! Саблю, взятую в Арсенале, он бросил в той самой подворотне и бежал, не разбирая дороги, забыв и про товарищей, и про всё на свете. То есть он думал, что они тоже бегут позади, а оборачиваться было страшно, окрики только придавали ему скорости. Потом, когда он увидел, что остался один, отыскивать товарищей было некогда: начались пожары, приходилось спасаться от огня, жара, дыма, мелькавших на их фоне людей с обритыми головами... Уцелеть, найти надежное пристанище, напиться воды, поесть хоть что-нибудь – вот что занимало его несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.